

Казанский федеральный университет
Институт филологии и межкультурной коммуникации
имени Л.Н. Толстого

Р.Ф. БЕКМЕТОВ

Л.З. ЭЙДЛИН И КИТАЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Библиографический указатель

КАЗАНЬ
2015

УДК 048
ББК 91
Б42

*Печатается по решению
учебно-методической комиссии Ученого совета
Института филологии и межкультурной коммуникации имени Л.Н. Толстого
ФАГОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
(протокол № 8 от 30.06.2015 года)*

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор (Нанькайский университет) **Янь Годун**;
кандидат филологических наук, доцент (КФУ) **Э.Ф. Нагуманова**

Бекметов Р.Ф.

Б42 Л.З. Эйдлин и китайская литература: библиографический указатель /
Р.Ф. Бекметов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. – 70 с.

Учебно-библиографическое пособие посвящено известному советскому российскому китаеведу Л.З. Эйдлину (1910–1985) и включает краткий очерк его жизни и творчества, а также описание его научных трудов, литературных переводов и публикаций о нем.

Пособие предназначено для специалистов-филологов, аспирантов, магистрантов и студентов-бакалавров филологических специальностей.

УДК 048
ББК 91

© Бекметов Р.Ф., 2015
© Издательство Казанского университета, 2015

Начитанность должна предшествовать опыту...

Академик В.М. Алексеев

КИТАЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ И ПЕРЕВОДАХ Л.З. ЭЙДЛИНА

(вместо предисловия)

Лев Залманович Эйдли́н (05.01.1910 — 26.10.1985) — одна из ярких фигур российской китаистики советской поры. Ученик В.М. Алексеева, он удачно сочетал в себе талант глубокого исследователя китайской литературы и тонкого переводчика, являясь при этом человеком широкой интеллектуальной эрудиции и кругозора — качества, свойственного многим представителям алексеевской школы отечественной научной синологии и, как кажется, стремительно утрачиваемого ныне в попытках найти лишь одну строго специализированную, очерченную точными границами нишу культурного знания.

Примечание. В своих наивысших достижениях российская гуманитаристика, как известно, всегда отличалась стремлением «объять необъятное», узкая профессионализация была ей непонятна и чужда. Впрочем, справедливости ради следовало бы сказать, что в китаистике такое положение дел при В.М. Алексееве и после него объяснялось в значительной мере причинами вполне объективного рода. Длительное время Китай оставался столь далёкой экзотикой, что в новых исторических условиях необходимо было приложить немало сил для его всестороннего изучения, нужно было поднять китаеведные исследования на новую, собственно научную высоту, причём в кратчайшие сроки, ускоренно и усиленно. Иными словами, широта «эпистемологического диапазона» предопределялась «раздольем» неосвещённого материала, свободой пересмотра всего, уже имеющегося и относимого по традиции к старым («дореволюционным») временам.

Биография Л.З. Эйдли́на хорошо известна; она уже была предметом подробного описания.

Примечание. Родился в г. Чернигове (23.12.1909 году по старому стилю). В 1933 году поступил в Московский Дирижаблестроительный институт, а до того, чтобы получить трудовой стаж, дававший право на учёбу в вузе, освоил слесарное дело (помогло и происхождение: отец и мать — простые ремесленники). В 1935 году стал студентом Московского института востоковедения имени Н.Н. Нариманова. По окончании был оставлен в нём в качестве преподавателя китайского языка и литературы. Параллельно с конца 1937 года занимался в аспирантуре под руководством В.М. Алексеева в Ленинграде, где тогда располагался теоретический центр востоковедной науки; в Москве готовили в основном лингвистов-практиков под нужды живого синхронного перевода. В 1942 году (по другим данным в 1943, но, вероятно, имеется в виду год утверждения государственной комиссией) защитил кандидатскую диссертацию по лирике Бо Цзюй-и, а в 1969 году — докторскую по творчеству Тао Юань-мина (написал о нём монографию, осуществив на новом материале то же, что сделал в 1916 году В.М. Алексеев, создавший единственную в

своём роде книгу о Сыкун Ту с многочисленными комментариями едва ли не к каждому слову «Поэмы о поэте» и проверкой всех китайских источников). Возглавлял кафедру китайского языка в Военном институте иностранных языков (1941—1952), а потом трудился в китайском секторе Института востоковедения (1944—1957 и 1959—1985 годы) и Институте китаеведения АН СССР (1957—1959). Член Союза писателей СССР (с 1950 года). Заслуженный деятель науки РСФСР (с 1980 года) [1; 2, с. 624—625; 3, с. 675]. Как и В.М. Алексеев, Л.З. Эйдлин был интеллигентом в первом поколении, однако путём упорных усилий воспитал устойчивую потребность в знаниях и интеллигентности как форме поведения в том специфически русском смысле слова, в котором интеллигентность отличается от интеллектуальности — набора врождённых или благоприобретённых умственных способностей без неременного духовно-нравственного элемента.

Что касается наследия Л.З. Эйдлина, тот оно велико и разнообразно. Это — монографии, статьи в газетно-журнальной периодике, рецензии, различные заметки полемического толка, переводы с китайского и вьетнамского, в основном поэтические, но в отдельных случаях, когда речь идёт о раннем периоде научного творчества, — и прозаические (в особенности из Лу Синя), которые созданы, судя по всему, по «социальному (государственному) заказу», столь распространённому в советские времена. (Из журналов, по нашим наблюдениям, явно превалирует «Иностранная литература», из газет — «Литературная газета»).

Обозревая эйдлинское творчество целиком, нетрудно заметить, что наиболее ранние работы учёного, написанные в 1940—1950-е годы, несут на себе печать времени, чётко выдержанного в политико-идеологическом свете; ясно, что ни один текст, предназначенный для публичного чтения, не обходился тогда без прямых оценок в духе номенклатурно-партийных лозунгов и деклараций. Вместе с тем мы не ошибёмся, если скажем, что, находясь в тисках заданных ориентиров, Л.З. Эйдлин умел внести в свои труды ноту профессионального «равновесия», благодаря чему его разговор, к примеру, о новом Китае (новом по времени, связанном с революционными событиями 4 мая 1919 года) всегда был разговором компетентного человека, понимающего не только суть литературного процесса, но и те бесчисленные детали, из которых этот процесс, в конечном счёте, складывается. Так, статья Л.З. Эйдлина «Рабочая тема в китайской художественной литературе 1950 года», в лучшем случае воспринимаемая теперь как часть «истории вопроса», прозрачно делится на две части. В первой части автор отдаёт долг высоким административным инстанциям, употребляя в полном перечне «сакральные» формулы, те клишированные «советизмы», без которых публикация работы была невозможной («Китайский народ охвачен могучим патриотическим и трудовым подъёмом. Он даёт решительный отпор американским агрессорам... Знаменательным событием 1950 года был происходивший в сентябре Всекитайский съезд героев армии и отличников производства» [4, с. 199]). Зато во второй части даётся тщательный и местами образцовый разбор многочисленных китайских литературных новинок на «производственную тему». Тут краткий ознакомительный пересказ сюжетных линий соседствует с анализом образной системы, разноплановым, бережным и поистине ювелирным

по степени проникновения в характеры «правильных» героев (крестьян, рабочих, скромных тружеников-интеллигентов, бойцов Народной армии). Поражает само владение огромным, как море, материалом и умение компактно разместить его в авторском тексте.

Такой скрупулёзности нужно учиться! Она бывает полезной. Ведь и сейчас для большинства читателей китайская литература — стереотипная древность, как бы застывшая на положении грандиозного музейного раритета. Нас, конечно, восхищает «экономическое чудо» Китая, совместившего великую традицию архаичной культуры с техническими новациями современного дня и нашедшего при всех противоречиях точку баланса между консервативной, но аккуратно эволюционирующей в определённых пределах политической системой и более или менее жизнеспособной моделью народного хозяйства. Однако это знание остаётся общим, оно не всегда идёт вглубь, и поэтому, к слову, мы мало что понимаем в текущем срезе литературы Китая. Этот срез кажется нам «заповедной зоной», объектом слишком узкого интереса, так что если возникает иллюзия понимания, то чаще всего тогда, когда какой-либо китайский писатель становится мировой знаменитостью — Нобелевским лауреатом, как Мо Янь, например (см.: [5; 6]). Факт такого рода, единичный в силу обстоятельств, заставляет обратить взоры на литературный Китай в его нынешнем виде.

Естественно, можно возразить, сказав, что Китай середины прошлого века — бурно развивающийся гигант после долгой полуколониальной стагнации, пусть даже с различными уклонами и перегибами (пресловутые «Великий скачок» и «Культурная революция» — одни из них); отсюда проистекла невиданная динамика эстетической активности. Л.З. Эйдлин имел все основания утверждать, что для новейшей китайской литературы «характерно огромное количество произведений, написанных не профессиональными литераторами, а людьми из народа» [7, с. 191]. Это был настоящий писательский бум, демократический «карнавал» («За один лишь 1952 год в редакцию журнала “Синь гуаньга” было прислано около семи тысяч таких рассказов, из которых шестьдесят напечатано» [7, с. 191]), спровоцированный к тому же переходом с «вэньяня» (старинного письменного языка официальной культуры) на «байхуа» (народный язык с разговорной нормой). Он требовал критического осмысления, а, значит, внимательного и искушённого просмотра всей выходящей в свет книжной продукции. Тогда обычно говорилось, что «если до образования Китайской Народной Республики у нас переводились произведения отдельных, наиболее крупных писателей Китая, то после 1949 года в СССР развернулась систематическая работа по ознакомлению советского читателя со всем лучшим, что имеется в китайской литературе прошлого и настоящего»; была и статистика: «За последние шесть лет тираж книг, изданных только на русском языке, достигает двадцати миллионов экземпляров, а всего книги китайских писателей издавались у нас на двадцати восьми языках народов СССР» [8, с. 3]. Всё это, безусловно, так. Но проблема заключается в том, что в наше время китайцы пишут не меньше, а того уровня вдумчивой рецепции, которую когда-то предлагал Л.З. Эйдлин, за редким исключением, не найти. Дело,

следовательно, не в одной идеологии, на которую можно списать все издержки метода, но ещё и в том, как распоряжается собственным талантом человек, пытающийся в границах официальной дозволенности сохранить высоту научного призвания.

Разумеется, для Л.З. Эйдлина-исследователя новая китайская литература в чём-то существенном была продолжением древней. Китай переживал разные периоды исторического развития; они могли быть успешными для страны, могли быть трудными и опасными, и всё же базовый вопрос о преемственности поколений здесь всегда решался положительно.

Примечание. Этим, в частности, Китай отличается от России, в которой каждая новая страница истории — особая жизнь, плохо связанная с памятью поколений. Российская цивилизационная традиция представляет собой не сплошную линию с многочисленными ответвлениями и возвратами к истоку, а, скорее, мозаику самодостаточных сущностей, скреплённых архетипом властной вертикали, которая воспроизводится в различных формах паразитической устойчивостью. Можно сослаться на один чрезвычайно характерный пример из жизни этнических диаспор в глобализованном мире. Так, по словам Н.В. Злобина, «китайцы... в иммиграции держатся друг за друга. Россияне — нет». Более того, «российская диаспора в США, как и везде,... не объединена, не консолидирована... уехав из России, многие россияне стараются не иметь друг с другом дела, быть в стороне от кругов... этнической эмиграции» [9, с. 42]. Пусть перед нами не полноценный социологический опрос, а частное наблюдение человека, постоянно живущего в США, оно весьма симптоматично. Этот факт указывает на то, что российская культура представляет собой разорванное целое, не способное, по сути, преодолеть идеологические противоречия. Одна из предпосылок этой неспособности, как думается, заключена в исходно «гибкой» природе российского исторического сознания, воспринимавшего мир на этапах своего формирования в категориях Запада и Востока со всеми вытекающими отсюда «плюсами» и «минусами».

Коренная причина устойчивости этих связей, по Л.З. Эйдлину, состояла в том, что Китай, с одной стороны, не знал катастрофических разрывов среди войн, а с другой — обладал свойством аккумулировать в себе чужие культурные системы, сохраняя ядро национальной самобытности. Чистота этого своеобразия поддерживалась географической удалённостью Китая от всех мировых центров; не случайно, когда Китай познакомился с европейской моделью цивилизации (особенно активно в XIX веке), то быстро подпал под чужеземное влияние, не сумев его впитать, и стал (в лице интеллигенции) оценивать своё прошлое как примитивное и отсталое [10, с. 162]. В этом пункте для Л.З. Эйдлина культура методологически была частью истории, как литература была частью культуры, хотя в исключительно полемических целях можно было бы спросить, насколько справедливо деление народов на цивилизованные и нецивилизованные. Ведь когда Л.З. Эйдлин размышлял о об этносах, вторгавшихся до XIX столетия в Китай, то как-то само собой подразумевалось, что уровень их культурного развития был много ниже китайского. Спора нет, в богатой на события человеческой истории многократно бывало так, что покоряемый народ растворялся без остатка в покорённом. Но дело в том, что применительно к народам кочевым в марксистской советской историографии существовал априорный подход, по

которому кочевники — отнюдь не творцы нового, а безжалостные и стихийные разрушители, пользующиеся достижениями другой культуры себе во благо. Время показало относительность подобных оценок, ибо история как процесс сложнее любых догматических конструкций, её описывающих. Эта сложность Л.З. Эйдлиным обходится, как то, о чём пишут «между прочим», вскользь, невзначай. Взамен Л.З. Эйдлин заостряет внимание на самом главном о Китае: его внутреннем ценностном измерении, определяющим облик и смысловое наполнение всех сфер жизни, и древней в первую очередь, как «начала всех начал».

Выясняется, что путь китайской культуры самодостаточен. Его законы невозможно изучить, пользуясь понятиями и терминами культуры не-китайской, что не даёт повод считать, будто интернациональная аксиология не отражалась в произведениях китайских авторов; отражалась (ещё как!), но в специфическом свете, на ином знаковом метаязыке, настолько обособленном, что его рецепция равносильна освоению новой грамматики. (Расхожей стала мысль В.М. Алексеева, согласно которой среди древнекитайских религиозно-философских текстов есть такие, которые не просто непередаваемы на европейские языки, но даже необъяснимы в приблизительном рациональном преломлении. Они герметичны, т.е. закрыты для обычного пересказа. Чтобы их понять, надо органично войти в систему чужого мировоззрения, почувствовать его изнутри, или, точнее, словами Н.С. Шефтелевич по поводу японских хайку, «читатель... должен быть не перед этой картиной, но внутри неё» [11, с. 141]).

Примечание. Сказанное совсем не означает, будто литература древнего Китая как явление глубоко национальное непередаваема *вообще*. В своих статьях Л.З. Эйдлин постоянно подчёркивал, что его учитель всячески старался преодолеть рецептивный стереотип, в соответствие с которым китайская словесность — terra incognita. «Науку о Китае, — отмечал Л.З. Эйдлин, — В.М. Алексеев определял как ликвидацию экзотики... Всю жизнь В.М. Алексеев боролся с экзотикой. Она была для него главным врагом, тающим за “фрондёрством кипплинговского типа” (речь идёт о знаменитой стихотворной фразе Р. Кипплинга «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с места они не сойдут». — Р.Б.) и мешающим единению Запада и Востока» [12, с. 5]. В этом отношении интересен один жизненный эпизод, поведанный Л.З. Эйдлиным и проясняющий суть его подхода к национальному. Однажды в Японии он совершал прогулку к горе Фудзи вместе с Кодзи Сугимори, генеральным секретарём Японской ассоциации по культурным связям. Зашёл разговор о традициях, и Сугимори заявил, что в Японии «есть такие писатели, даже современные, которые не поддаются переводу на иностранный язык, так сильны их национальные особенности» [12, с. 6]. Л.З. Эйдлин возражал, отстаивая тот взгляд, что национальное, в действительности, выразимо, но при наличии двух важнейших условий: во-первых, переводчик должен правильно истолковать чужой мир и, во-вторых, он обязан владеть родным языком в самой высокой степени. Л.З. Эйдлин даже шёл на некоторую крайность, теоретический риск, утверждая, что национальный писатель при подлинном переводческом мастерстве переводим *полностью*. Национальное всегда сопряжено с универсальным, общечеловеческим, международным; связь этих понятий диалектическая, когда одно не обходится без другого, выражая себя через то, что собой не является. Именно по этой причине тот же Ясунари Кавабата, японский писатель, так глубоко, столь основоположно погружённый в систему национального мировосприятия, оказывается понятным для миллионов читателей из других стран. Собеседник с Л.З. Эйдлиным не

согласился, причём это несогласие, как можно понять по обмолвке, было воплощено в совершенно японском стиле, тихо и спокойно, без какого-либо надрыва в отстаивании собственной правоты. Это очень яркий, характерный эпизод, раскрывающий сущность *алексеевского метода*, убеждённости исследователя в том, что Восток как культурный текст переводим.

В этом плане примечательна позиция Л.З. Эйдлина в дискуссиях 1970-х годов о так называемом «восточном Возрождении». Как известно, автором новой концепции был Н.И. Конрад, полагавший, что культуры Запада и Востока, несмотря на различие путей, развивались по одной стадияльной модели («генеральному плану», если угодно). Такой вывод основывался на определённом сходстве национальных литератур, на наличии у них в одновременных срезах истории общих черт, появившихся не в результате непосредственного взаимодействия, а в силу типологической общности (единообразная жизнь рождает схожие чувства и духовные практики). Л.З. Эйдлин эту идею не отвергал, он лишь указал на её изъяны, заставлявшие скептически к ней отнестись. Его слова и сегодня звучат мудро и взвешенно, являясь своего рода прививкой от тех теорий, которые грешат всеохватностью толкований вопреки фактографической конкретике с её ощутимо живым многообразием. «Мы приветствуем любую идею в близкой нам области изучения китайской литературы, — писал Л.З. Эйдлин, — но хотим (как от других, так и от себя), чтобы ни блеск, ни широта идей не обрекала бы на неизвестность ту “мелочь” фактов, которая, появившись на свет, заставила бы поблкнуть саму идею и уже и усомниться в ней. Не так легко и не так просто добываются факты в глубинах, скрывающих богатства китайской литературы. Чем ценнее факты для нас, тем необходимее нам знать и помнить о тех, уже добытых». И далее: «Всякая новая мысль в науке, пока она не стала категоричной или нетерпимой ко всем другим, есть благо, и как благо, но и как гипотезу, рассматриваем мы идею Возрождения в Китае» [13, с. 217]. Во главу угла, таким образом, Л.З. Эйдлин ставил факт, а не идею, которая проверяется им. Факты же свидетельствуют о том, что китайская литература вступала в фазу расцвета, которую, тем не менее, «Возрождением», или более определённо — «Ренессансом», обозначать нельзя. Всякое слово обладает своим «ареалом обитания», и в большей мере это касается терминов, избегающих семантической размытости. «Ренессанс» вызывает в памяти гуманистическую Италию, а это отдельный культурный ландшафт. Поддаваясь «соблазну наплывающих сходств» [13, с. 218], исследователь, по представлениям Л.З. Эйдлина, готов в Китае найти не Китай, каков он ни есть, а Китай, расщепленный в итальянские тона и колориты, что говорит уже о «странной», преднамеренной аберрации научного зрения. «Освободясь от экзотических оценок Востока, мы не должны отказывать ему в присущих особенностях, а также в различиях внутри него», — подчёркивал Л.З. Эйдлин [13, с. 218]. Повторимся: Л.З. Эйдлин не отказывался воспринимать мир прошлого как единую систему; он только желал всесторонне обосновать приемлемость использования универсальных схем, и, когда отчётливого объяснения не

находил, честно предпочитал повременить с выводами, дождавшись новых фактов. Действовать другим способом наука не может; в противном случае она перестаёт быть собой, превращаясь в разновидность ненаучного познания, имеющего право рассуждать о закономерностях в пределах избранной методологии, не дальше. Интересно замечание Л.З. Эйдлина, в соответствие с которым Китай потенциально мог подойти к той же вершине духовного раскрепощения, что и Европа эпохи Ренессанса, но не скачкообразно, через мгновенный «переворот», судорожно-стремительный выбор траектории в «точке бифуркации», а постепенно, эволюционно, без напряжённого прорыва и падений, как полагается государству с огромной территорией. «Другого Китая мы не знаем, — признавался Л.З. Эйдлин, — и будем только признательны, если нам его откроют, а не провозгласят!» [13, с. 218].

Его Китай — традиционный, конфуцианский с примесью буддизма, пришедшего из Индии, и даосизма, возникшего на местной почве. Это Китай идеального пути, *дао*, и просвещённого, «совершенномудрого» человека, *цзюнь-цзы*, который в жизни следует нормам нравственного поведения. Нормы всеобъемлющи — от гуманности к ближнему до выполнения предписанного свыше долга. Это Китай чиновников и поэтов (часто в одном лице), крестьян и бедных учёных, мирян и отшельников, укrywшихся не только в буддийских монастырях, но и среди живописных зелёных гор, на берегах журчащих рек и гладких озёр, около белых водопадов. Это Китай, в котором человек и писатель никогда не отделялись друг от друга глухой стеной непонимания, в котором преклонение перед творческим наследием подразумевало и восхищение человеческими добродетелями, чего в Европе не было. Словом, это пёстрый, нарядный, густонаселённый мир, стремящийся к покою, Китай как социальная материя, поскольку именно общественные аспекты были для Л.З. Эйдлина ключевыми в понимании психологии древнего и средневекового китайца. Тут Л.З. Эйдлин, конечно, был не одинок: вся советская гуманитарная наука строилась в качестве общественного «храма», в котором даже чань-буддизм представлял интерес не столько как экзистенциальная теория в действии, сколько как выражение протеста одного класса против другого, как решение противоречий через отход от действительности, в котором «царят продажность и делячество», в царство бродяжной свободы, не ограниченной искусственными («буржуазными» в терминологии той эпохи) нормами [14, с. 5].

Отсюда, собственно, вытекают эйдлинские пассажи о специфике китайской классической поэзии, о том, как правильно её нужно воспринимать. Для него она предметна, конкретна в образных очертаниях и лишена какой бы то ни было заумности. Помимо этого, она кратка, точна, легко сформулирована, но при этом и трудна, потому что ориентируется на цепь реминисценций, намёки, творческие переключки, словно бы настаивая на том, что читать её должен человек, в литературном и философском отношении компетентный, разделяющий сложившийся поэтологический канон. Европейский символизм с его хаосом бесконечных метаний китайской лирике непонятен, и если он встречается в литературе «Поднебесной», то, скорее, как эксперимент начала

XX века, имитация, проба пера в незнакомом стилевом регистре. Это поэзия строгой мысли, проверенная глубоким чувством. Переводчик, предупреждает Л.З. Эйдлин, ссылаясь на индивидуальный опыт, должен быть осведомлён о такой национальной особенности китайского письма, иначе его ждёт дорога ненужных блужданий, лишь при первом приближении кажущаяся верной тропой [15, с. 111].

В свете сказанного показателен пример связи исторического времени и типа государственного устройства со структурой китайского художественного слова. Изображая танский Китай VII — I половины VIII века как мощную централизованную державу, ориентированную на внутреннюю стабильность и оживлённую внешнюю торговлю, Л.З. Эйдлин обнаруживал проекцию общекитайского покоя в самой «фактуре» танского стиха. Лирика эпохи Тан лаконична, оригинальна по содержанию и нацелена на то, что можно было бы назвать «пренебрежением формой» [16, с. 55]. Танская поэзия преодолела изошрённость предшествующей литературы, литературы периода «шести династий», провозгласив главенство простоты и ёмкой безыскусственности. В обжитой, благоустроенной стране люди знают, чего хотят; они не нуждаются в технических выделках, заменяющих собой реальный предмет. Идеал жизни не кажется им слишком отвлечённым; он воплощаем потому, что сводится к служению крепнущему и (важное пояснение!) отвечающему взаимностью государству. Личный достаток уже достижим, поэты — теперь целое сословие — испытывают тревогу не от национальных бед, которых попросту нет, а от мелких горестей вечно не совершенной и вяло текущей жизни. Так однозначно Л.З. Эйдлин перекидывает мост от уклада социального бытия к стилю литературного почерка, от предельных обобщений к точечному воспроизведению, замечая значительное в малом (тоже, кстати, китайская черта, отражённая во многих трактатах). Вульгарно? Нет, напротив, убедительно. Общество, в конце концов, — не абстракция, а в известной мере условие творческой работы, безотчётно преломляющееся на листе бумаге. (Уместно вспомнить Э. Ауэрбаха, видного немецкого филолога XX века, который осуществил проект интерпретации западноевропейской общественной истории от древних времён до современности сквозь призму «эмблематических» текстов — тех, что лежат в фундаменте культуры Запада, являются его неотъемлемой частью [17]).

Эту литературу синолог должен передать средствами родного языка. Возникает правомерный вопрос — как? Л.З. Эйдлин предлагает довольно продуманную программу, в которой стоило бы разобраться.

Он исходит из того, что поэтических переводов много. Их количество прямо пропорционально числу переводчиков. Человек, занимающийся переводом, сознательно или бессознательно решает двуединую задачу: с одной стороны, ему необходимо сохранить подлинник в плане тех приёмов, которые использует автор для воссоздания эмоционально окрашенной идеи, а с другой — постараться сделать так, чтобы чужое слово стало фактом воспринимающей культуры. В принципе мысль эта не нова: отечественная школа перевода её открыто декларировала, и Л.З. Эйдлин выступает здесь как продолжатель

давной традиции. Переводчик, далее, — всегда носитель собственной индивидуальности, «космоса», как могли бы мы сказать, имея в виду греческое понятие «самодостаточного порядка внутри себя». Л.З. Эйдлин любил сравнивать переводчика с актёром на театральной сцене. Подобно тому, как актёр, играющий роль, перевоплощается, оставаясь собой, переводчик, излагая чужой образ мира, неизбежно накладывает на него свою интерпретацию, и глубина её зависит от богатства рецептирующей души. Обаяние перевода — коэффициент субъективности, «сухой остаток» той многомерности духа, который сопутствует воплощению объектных сторон переводимого текста. Труд переводчика на практике диалектичен: приобретая нечто ценное, он вынужден смириться с потерями, так что двуединая телеология, о которой мы говорим, — это идеальная цель, «сверхзадача», к которой надо стремиться, хорошо понимая, что окончательно она никогда не будет достигнута. Сложность заключается в том, что если отказаться от такого целеполагания, сочтя его неосуществимым, перевод получится хуже той нормы, которая задаётся переводчику при условии беспрестанного и мучительного движения к идеалу.

В итоге, «перевод поэзии труден» [18, с. 188]. Перевод китайской иероглифической поэзии труден вдвойне, ибо иероглиф зачастую полисемантический, и это накладывает на переводчика массу дополнительных обязательств. Поэтому-то, по мнению Л.З. Эйдлина, «критик дальневосточной поэзии должен быть особенно чувствителен к достоинствам перевода... и в то же время уметь проявить сочувствие к неудачам переводчика в его единорбстве с иной раз очень сложным текстом» [18, с. 188]. Китайскую классику нельзя переводить без предварительной подготовки. Сейчас это положение выглядит аксиоматичным, а когда-то казалось, что свободное владение родным языком избавляет от слишком длительного и накладного познания чужой системы взглядов. В мировой синологии были грустные времена, когда литературные переводы выполнялись с подстрочника, и это ещё при благоприятном стечении обстоятельств. В худшей ситуации оказывались те оригинальные произведения китайского гения, которые попадали в руки католических миссионеров, наскоро превращавших серьёзный текст в «легкомысленную выдумку» [19, с. 14]. (Заслон этой практике поставил В.М. Алексеев, чья деятельность заменяла собой целый институт как академическое учреждение, и в этом — одна из его непререкаемых заслуг, о которых Л.З. Эйдлин всю жизнь вспоминал с благодарностью). Видимо, осознание того, что перевод китайского оригинала нуждается в многоаспектном аналитическом чтении, подвело Л.З. Эйдлина к мысли об искусственности деления всех переводов на «художественные» и «научные». Их видовую классификацию он полагал надуманной, причём сама инициатива такого членения проистекала, по его разумению, не от деятелей науки, а от «вольнлюбивых» художников, не желающих разыскивать «правду оригинального текста» [20, с. 190] и взявшихся считать, что природой данная связь с эстетическими ценностями само собой освобождает от «согбенности над словом», от «вязкой» работы над ним с привлечением сопутствующих материалов. «А можно ли вообще к чему-нибудь

прикоснуться без подготовки?», — спрашивал Л.З. Эйдлин и тут же отвечал, что поклоннику «восточной поэзии она требуется не в меньшей мере, чем слушателю музыки, чем ценителю живописи!» [20, с. 193]. Мы думаем, что Л.З. Эйдлин был прав — прав хотя бы потому, что как китаевед-исследователь он не только в процессе перевода заглядывал в сферу чистой художественности, но и на профессиональном уровне использовал её фигуративный язык, использовал ничуть не хуже поэтов «со стажем», признанных мэтров литературы. Он не боялся учиться, и это дорогого стоит. Он соблюдал баланс, владея двумя ключами к «драгоценной китайской шкатулке» («от науки» и «от искусства»), тогда как его оппоненты имели только один. Он был настоящим работником в «каторжной» стихии перевода; те же, кто ему заочно возражал, — жрецами, ожидавшими у моря погоды. Тем не менее, размышляя над предложенной классификацией по существу, мы не можем не сказать о том, что и в ней есть доля истины. Область перевода включает разделение труда, хотим мы того или нет; это объективная вещь. Если «художественный» перевод предназначен для читателя, не знающего языка оригинала, то «научный» служит ориентиром для того, кто языком владеет и может, следовательно, сличить подлинник и копию. Более того, бывают случаи, когда «художественный» перевод оказывается предпочтительнее «научного». Обращаясь, скажем, к детскому читателю, он ставит целью пробудит стойкий интерес к иноземной культуре. И если читатель «нежного возраста» получит радость от приобщения к высокому эталону, а затем, уже сформировавшимся человеком, выберет в качестве профессии изучение других языков и литератур, памятуя о том, какие тёплые чувства сопровождали когда-то его увлечённое чтение, не справедливо ли в этом случае говорить о достоинствах «художественного» подхода, как минимум о его праве на существование? Перевод адаптирует далёкий мир к условиям родной культуры, приближает его к сознанию ребёнка, исполняя свою функцию и назначение. Стало быть, этого достаточно, чтобы признать подобный перевод в качестве нужного и полезного. Возможно, в идеале исследователь должен был бы параллельно с «научным» переводом создавать «художественный», как его версию для чётко означенных целей (ведь соглашаемся же мы с тем, что учёный временами популяризирует свои познания среди широких слоёв населения). Однако до тех пор, пока он не станет делать того и другого в одновременности, адаптационную миссию переводчика будет нести на себе художник; это его пашня и хлеб.

Качество литературного перевода с китайского определялась для Л.З. Эйдлина и тем, внедряется ли в отражаемую копию комментариев. Он внедрял и советовал делать так остальным, несмотря на то, что комментирующая часть текста разрушает цельность лирического настроения, рассекает её на части (всего равно, что слушать музыку и подвергать анализу каждый этап, эмоционально отстраняясь от самого события встречи с искусством в его непосредственной данности). Без него не обойтись; велика дистанция времени, и это обязывает: то, что было понятно древнекитайскому автору, современному русскому читателю ни о чём не говорит. В то же время комментарий хорош тогда, когда он лаконичен, дозирован в объёме, как бы влетаясь в

стихотворение аурой поддерживающей конструкции, а не навязываясь пустым перебивом. Перебив как раз мешают восприятию, как дурная какофония искажает полёт благозвучия. Составить комментарий оттого нелегко, затрат порой уходит столько же, сколько вбирает в себя основной перевод, если он не дословный. (По Л.З. Эйдлину, дословность в ремесле переводчика — кричащий нонсенс, «эвфемизм просто плохого, неуклюжего перевода» [15, с. 113]).

Л.З. Эйдлин выработал несколько правил перевода китайской классической поэзии. Их нельзя считать абсолютными, но в совокупности они дают тот вектор отношений, благодаря которому оригинал в переводной копии остаётся, насколько возможно, равным себе. Среди эйдлинских рекомендаций — соблюдение параллелизма, полнота передачи образной структуры, даже консервация китайских звукоповторов (разумеется, в эквивалентном оформлении на русском языке). Кроме того, важно сохранить строфу в том виде, в каком она есть, соотнести синтаксис подлинника и переводного произведения (в китайской лирике переносы редки, поэты старались поместить мысль в каждую строку с чеканной точностью), отразить цезуру. Если ритм стихотворного жанра *шю* включал размер в пять слов, два слова до цезуры и три — после, то более приемлемо переводить его нашим цезурованным пятистопным или пятиударным стихом. «Всё это... буква и дух китайского... стиха» [15, с. 114].

О рифме у Л.З. Эйдлина — разговор отдельный. В переводах он её избегал, а в статьях объяснял, почему. Дело в том, что рифма проходит красной нитью через весь китайский текст; придумать её не составляло труда из-за яркой омофоничности китайского фонетического строя. Русское же стихосложение более разнообразно, русских рифм много, и все они отличаются друг от друга, так что следовать версификационному кодексу китайских авторов — значит, нарушать родной. Отметим, что для современного читателя старинных китайских стихов рифма фактически пропала, она уже не ощутима по причине смены знаков на письме. Её, строго говоря, нет, поэтому переводное стихотворение напоминает по форме белый стих, а он русской словесности не противопоставлен. Более того, он способен приносить значимые результаты, и, чтобы доказать это, Л.З. Эйдлин прибегал к авторитету А.А. Ахматовой, чьи переводы восточных поэтов, не только китайских или корейских, были безрифменными. Правда, такая установка проистекала из внутренних соображений и лишь потом от знания специфики дальневосточного художественного стиля [21]. Л.З. Эйдлин при этом отстаивал правоту ахматовской стратегии в переводе. Когда один из критиков возражал поэтессе, ссылаясь на то, что армянская газелла, которую А.А. Ахматова перевела, включает рифму и что пренебрежение созвучием делает копию слабой, Л.З. Эйдлин вступился в полемику со всей интеллигентной страстью. Отсутствие рифмы уравнивается глубиной смысловых деталей — в этом он был уверен, об этом свидетельствовала его практика [20, с. 193].

Примечание. В переводах сегодняшнего дня, особенно в Европе, верлибр стал едва ли повсеместным, таким, что переводной рифмованный стих вызывает удивление, как

пережиток некогда могучей культурной архаики. Стратегия, вчера казавшаяся вычурной и периферийной, победила, продемонстрировав свою жизнеспособность. Трудно сказать, как в дальнейшем будут развиваться события. Элементарная логика подсказывает, что рифма не может уйти с литературной сцены вообще, как отыгранный номер: мешают законы диалектики, не позволяющие утвердить приоритет одной позиции, каких бы многочисленных сторонников она ни имела. В России (с её особым путём) рифма в переводах сильна, она не желает так просто, без боя, сдаваться. В то же время количественно рифмованный тренд угасает. Вероятно, надо подождать, чтобы очертания новой художественности проявились значительно чётче. Тогда спрогнозировать грядущие изменения будет легче. Но одно понимать необходимо сейчас: перевод зависит от движения большой литературы; в какую сторону она развернётся, в такую перевод и посмотрит; он далеко не автономен, а связан множеством видимых и невидимых нитей с целым словесно-эстетическим процессом.

Разберём эйдлинский перевод стихотворения Бо Цзюй-и «Читая Лао-цзы».

言者不知者默，
此吾闻于老君。
若道老君是知者，
缘何自著五千文。

«Разговаривающий не более молчаливее, чем образованный»,
Эти слова я слышал от Лао-цзы.
Если говорить, что Лао-цзы является образованным человеком,
Почему же он сам написал книгу в пять тысяч слов?
(букв. пер. наш. — Р.Б.).

«Кто говорит, — ничего не знает,
знающий — тот молчит».

Эти слова, известные людям,
Лао принадлежат.

Но если так, и почтенный Лао
именно тот, кто знал, —

Как получилось так, что он оставил
книгу в пять тысяч слов? [22, с. 232].

Сравнив дословный перевод с поэтическим, мы видим, сколь точен и лапидарен Л.З. Эйдлин. Мысль автора передана без ухищрений и изысканностей, как велит классический канон. Коренная задача — воспроизвести парадоксальную идею, при которой человек, провозглашающий молчание высшей ценностью, сам много говорит о том, как и зачем молчать, — реализована полностью. Этой задаче солирует небольшой по объёму, если не сказать крохотный, комментарий, в котором сообщается о том, что стало поводом для размышлений о знаменитой фразе: «У даосского философа Лао-

цзы (VI в. до н.э.) в 56-ой книге “Даодэцзин” сказано: “Тот, кто знает, — не говорит, говорящий — не знает”. Приписываемая Лао-цзы книга “Даодэцзин” содержит пять тысяч знаков» [22, с. 337]. Пояснения умело вписываются в перевод, восстанавливая тот контекст, который был ясен образованному китайцу (ср. у Лу Синя: «Когда я молчу, я чувствую полноту жизни; собираюсь заговорить — и меня сразу же охватывает ощущение пустоты» [23, с. 291]). При этом нет необходимости подробно излагать множественные факты, как это делает китайская традиция устами Сыма Цяня в «Исторических записках»: «Лао-цзы пестовал Путь и Благодать. Его учение заключалось в том, чтобы придерживаться самораскрытия и пребывать в безвестности. Он надолго поселился в царстве Чжоу, но, увидев, что Чжоу клонится к упадку, покинул его. Когда он доехал до заставы, начальник заставы Инь Си сказал: “Вы вот-вот объединитесь (или уйдёте в отшельники — инь). Прошу Вас, постарайтесь записать для меня книгу”. После чего Лао-цзы и написал книгу, состоящую из первой и второй части..., говоря о смысле Пути и Благодати, в пять тысяч слов, а затем уехал. Никто не знает, как он закончил» (цит. по: [24, с. 16—17]). Рифмы отсутствуют, но ритмический узор и соразмерность двустопных делают перевод образцовым. Читатель проникается глубиной смысла, обнаруженного Бо Цзюй-и при попытке нетривиально посмотреть на истину, которая относится к числу ходячих («слова, известные людям»). В итоге, сдержанный по интонации текст превращается в яркую речевую единицу. Появляется желание многократно перечитать произведение, и каждый раз это происходит с ощущением того, что за незатейливыми словами скрывается дух китайского мудрствования. Сам факт возникновения такого желания — признак переводческого мастерства.

В заключение хотелось бы выразить надежду на то, что переводы Л.З. Эйдлина, как и его интерпретации, будут объектом постоянного обращения компаративистов-литературоведов. Велика китайская культура, не обо всём ещё сказано. Перефразируя Л.З. Эйдлина, мы вправе напомнить, что «это культура глубоко национальная, любящая и умело использующая традиции прошлого, и в то же время культура, принадлежащая всему человечеству» [25, с. 197]. Точку в осмыслении научного и литературного наследия Л.З. Эйдлина ставить рано.

***

Библиография трудов Л.З. Эйдлина составлялась прежде (см.: [2, с. 624— 625; 3, с. 675; 26; 27]). Кроме того, перечень (не весь!) его научных сочинений и художественных переводов отражён в специальном указателе, посвящённом русским переводам китайской литературы в целом [28; 29] и произведений Лу Синя в частности [30]. Вместе с тем отдельного библиографического издания работ Л.З. Эйдлина на сегодняшний день нет, хотя, по вполне понятным причинам, указатель трудов его учителя академика В.М. Алексеева имеется [31; 32].

Необходимость составления библиографии Л.З. Эйдлина кажется очевидной.

Во-первых, собранные материалы могут быть использованы при подготовке нового общего издания его переводов с китайского и вьетнамского языков; такая задача, надеемся, будет поставлена, пусть и не в ближайшее время, а в отдалённой перспективе. Во-вторых, обособленный указатель учитывает те работы Л.З. Эйдлина и об Л.З. Эйдлине, которые вышли в свет после 1985 года, т.е. после смерти учёного (их немного, но они всё же есть). В-третьих, наш указатель корректирует определённые неточности, случайно вкравшиеся в прошлые библиографии Л.З. Эйдлина. Так, в «Списке основных трудов...» 1970 года отмечено, что Л.З. Эйдлин — автор статьи «Пушкин и Китай», вышедшей в 1949 году [26, с. 217]. Прямое обращение к тексту академического журнального издания даёт повод утверждать, что перед нами не статья, а устный доклад, кратко пересказанный кем-то из сотрудников для раздела «Хроника в Московском отделе Института востоковедения АН СССР». Примечательно, что доклад называется не «Пушкин и Китай», а «Пушкин в Китае», что, согласимся, не одно и то же. В первом случае возникает представление, будто автор изучает проблему в сравнительно-сопоставительном ракурсе, соотнося пушкинскую лирику с традиционной китайской поэзией. В действительности же Л.З. Эйдлин освещает формы рецепции пушкинского творчества в китайской литературе и касается по преимуществу вопросов перевода А.С. Пушкина на китайский язык. Если уж говорить о классической компаративной стратегии, то она задаётся лёгкими штрихами в самом начале доклада; Л.З. Эйдлин пишет о том, что А.С. Пушкин хотел отправиться в Китай, мечтал о подобной возможности, даже просил шефа жандармов Бенкендорфа о разрешении поехать в «Поднебесную» вместе с направлявшимся туда российским посольством, но мечта оказалась нереализованной: поэту отказали. Вместе с тем какого-либо развития этот интересный факт творческой биографии А.С. Пушкина в докладе не получает; Л.З. Эйдлин сразу переходит к началу XX века, перечисляя тех китайских авторов, кто переводил русского поэта на язык Конфуция. Заметим, что сама по себе проблема «Пушкин и Китай» заслуживает более глубокого исследования, в том числе через привлечение новейшей литературоведческой методологии. Проблема, по сути, ещё не поставлена; ясно только то, что её решение открывает широкие возможности для понимания смысловых сторон русской литературы в общекультурном культурном контексте. В-четвёртых, предлагаемый указатель — не обычный, а аннотированный, и это позволяет сразу охватить содержание многочисленных китаеведческих трудов Л.З.Эйдлина, проследить их динамику и эволюцию. Следует, правда, сказать, что аннотированию подвергались не все работы исследователя, а часть, хотя и подавляющая; если название статьи или заметки включала однозначную отсылку к тексту, то аннотацию мы сочли возможным пропустить (надо ли, к примеру, описывать содержание словарной колонки Л.З. Эйдлина в «Краткой литературной энциклопедии»?)). Определённый упор был сделан на переводном поэтическом материале. Здесь каждое китайское стихотворение должно быть названо, каким бы небольшим по объёму оно ни было: за переводом стоит

огромный, поистине титанический труд, профессиональные и человеческие усилия; их результаты нужно собирать, как драгоценные камни.

Единственное уточнение: составленный нами библиографический указатель не претендует на полноту. Наша работа ограничивалась фондами двух библиотек г. Казани: Научной библиотеки имени Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета и Национальной библиотеки Республики Татарстан. По этой причине некоторые издания остались не включёнными в указатель (в основном, это ранние работы Л.З. Эйдлина на английском языке в журнале «Soviet Literature», а также статьи на китайском языке, хотя отдельные работы, те, что удалось найти, отмечены). Эти изъяны и пропуски мы намереваемся восполнить при последующем издании указателя, обратившись к фондам центральных библиотек России (гг. Москва и Санкт-Петербург). Помимо этого, в указатель не вошли интернет-источники — главным образом потому, что все они в содержательной части дублируют издания журнально-книжного формата (во всяком случае, ничего нового в сравнении с тем, что отражено в «бумажных» формах, мы не нашли). Из всех русскоязычных электронных ресурсов наибольшую ценность, по нашему мнению, представляет сайт «Синология.ру» (www.sinology.ru); там имеются небольшие по объёму материалы, посвящённые Л.З. Эйдлину. К этому сайту мы и отсылаем заинтересованного читателя.

Выражаем благодарность Шуцзюань Чжан, коллеге из Университета Внутренней Монголии (Китайская Народная Республика, г. Хух-хото), в 2014 — 2015 учебном году проходившей на кафедре русской литературы и методики преподавания Казанского (Приволжского) федерального университета под нашим руководством своим научную стажировку. Общение с этим человеком оставило неизгладимо доброе впечатление. Мы ближе и чуть тоньше обычного ощутили традиционный Китай, и это явилось своеобразным стимулом для выбора и разработки исследовательской микротемы.

Литература

1. Яцковская К.Н. К 95-летию со дня рождения и 20-летию со дня смерти Льва Залмановича Эйдлина // Восток (Oriens). — 2005. — № 4. — С. 209—216.
2. Милибанд С.Д. Библиографический словарь советских востоковедов. — М.: ГРВЛ, 1977. — 766 с.
3. Милибанд С.Д. Библиографический словарь отечественных востоковедов с 1917 года: в 2 кн. — Кн. II: М — Я / 2-ое изд., перераб. и допол. — М.: Наука, 1995. — 765 с.
4. Эйдлин Л.З. Рабочая тема в китайской художественной литературе 1950 года // Учёные записки Института востоковедения. — Т. II: Китайский сборник. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1951. — С. 191—210.
5. Костырко С. Физиология жизни (новая китайская проза) // Новый мир. — 2013. — № 11. — С. 201—209.
6. Машуков Ю. «Молчи» по-китайски (Мо Янь — лауреат Нобелевской премии по литературе) // День и ночь. — 2013. — № 2. — С. 3—4. Там же: *Мо Янь*. Литературное образование в современном Китае / пер. Н.Ф. Панкратовой (с. 5—8).
7. Эйдлин Л.З. О положительном герое в современной китайской литературе // Знамя. — 1954. — № 10. — С. 182—192.

8. От составителей // Китайская художественная литература: библиография русских переводов и критической литературы на русском языке / сост. П.Е. Скачков и И.К. Глаголева; отв. ред. Л.З. Эйдлин. — М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1957. — С. 3—6.
9. *Злобин Н.В.* Америка... Живут же люди! Америка: исчадие рая. — М.: Эксмо, 2014. — 512 с.
10. *Эйдлин Л.З.* Об отражении общественного сознания в литературе средневекового Китая // Проблемы Дальнего Востока. — 1973. — № 3. — С. 162—171.
11. *Шефтелевич Н.С.* Хайку Басё «Старый пруд...» // Литературы стран Дальнего Востока: сб. ст. — М.: Наука, ГРВЛ, 1979. — С. 140—148.
12. *Эйдлин Л.З.* К теме Востока // Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока: сб. ст. — М.: Наука, ГРВЛ, 1977. — С. 3—14.
13. *Эйдлин Л.З.* Идеи и факты (несколько вопросов по поводу китайского Возрождения) // Иностранная литература. — 1970. — № 8. — С. 214—228.
14. *Завадская Е.В.* Культура Востока в современном западном мире. — М.: Наука, 1977. — 168 с.
15. *Эйдлин Л.З.* Заметки о переводе иероглифической поэзии на русский язык // Народы Азии и Африки. — 1967. — № 1. — С. 109—117.
16. *Эйдлин Л.З.* Из танской поэзии (Бо Цзюй-и) // Труды Военного института иностранных языков. — 1946. — № 2. — С. 55—69.
17. *Ауэрбах Э.* Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе / пер. с нем. — М.: ПЕР СЭ, СПб.: Университетская книга, 2000. — 511 с.
18. *Эйдлин Л.З.* Поэзия Ай Цина и её перевод // Иностранная литература. — 1983. — № 2. — С. 186—190.
19. *Эйдлин Л.З.* Предисловие // Китайская классическая проза в переводах академика В.М. Алексеева. — М.: Изд-во Академии наука СССР, 1958. — С. 5—36.
20. *Эйдлин Л.З.* Мысль и слово // Иностранная литература. — 1972. — № 2. — С. 189—193.
21. *Эйдлин Л.З.* Когда переводит поэт... (Восток Анны Ахматовой) // Иностранная литература. — 1969. — № 2. — С. 210—217.
22. Китайская классическая поэзия в переводах Л. Эйдлина / вступ. статья и примеч. Л.З. Эйдлина. — М.: Художественная литература, 1975. — 352 с.
23. *Лу Синь.* Краткое предисловие [к сб. «Дикие травы»] / пер. с кит. В.В. Петрова // Лу Синь. Повести. Рассказы / пер. с кит. — М.: Художественная литература, 1971. — С. 291—292.
24. *Маслов А.А.* Загадки, тайны и коды «Дао дэ Цзина». — Ростов-на-Дону: Феникс, 2005. — 272 с.
25. *Эйдлин Л.З.* Новая китайская литература (очерк развития) // Вопросы культурной революции в КНР: сб. ст. — М.: Изд-во восточной литературы, 1960. — С. 137—198.
26. Список основных трудов доктора филологических наук профессора Л.З. Эйдлина (К шестидесятилетию со дня рождения) // Народы Азии и Африки. — 1970. — № 1. — С. 216—219.
27. Памяти Льва Залмановича Эйдлина. Список основных научных трудов Л.З. Эйдлина (сост. С.Д. Милибанд) // Народы Азии и Африки. — 1986. — № 2. — С. 215—217.
28. Китайская художественная литература: библиография русских переводов и критической литературы на русском языке / сост. П.Е. Скачков и И.К. Глаголева; отв. ред. Л.З. Эйдлин. — М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1957. — 167 с.
29. Китайская классическая литература: библиографический указатель русских переводов и критической литературы на русском языке / вступ. статья В.Ф. Сорокина, сост. И.К. Глаголева. — М.: Всесоюзная государственная библиотека иностранной литературы, 1986. — 324 с.
30. *Лу Синь:* библиографический указатель / вступ. статья и отв. ред. В.Ф. Сорокин. — М.: Книга, 1977. — 246 с.

31. Аннотированная библиография трудов академика В.М. Алексева и литературы о нём / сост. В.В. Петров // Литература и культура Китая: сборник статей к 90-летию со дня рождения академика Василия Михайловича Алексева. — М.: Главная редакция восточной литературы, 1972. — С. 160—198.
32. Аннотированная библиография трудов академика В.М. Алексева и литературы о нём (продолжение и дополнение) / сост. В.В. Петров // Традиционная культура Китая: сборник статей к 100-летию со дня рождения академика Василия Михайловича Алексева. — М.: Главная редакция восточной литературы, 1983. — С. 176—193.

**МАТЕРИАЛЫ К БИБЛИОГРАФИИ Л.З. ЭЙДЛИНА
(1939 — 2014)**

I. Труды и переводы

1939

1. *Ло Фэн*. Седьмая яма / пер. с кит. Л.З. Эйдлина // Интернациональная литература. — 1939. — № 7—8. — С. 196—199.

1940

2. Общение двух литератур / пер. с кит. и примеч. Л.З. Эйдлина // Литературная газета, 28.VII.1940.

Перевод статьи Го Мо-жо о китайско-русских литературных взаимосвязях.

1941

3. «Литературный ежемесячник» о советской литературе // Интернациональная литература. — 1941. — № 5. — С. 224—225.

Обзор декабрьского номера китайского журнала «Вэньсюэ юэбао» («Литературный ежемесячник») за 1941 год. «На обложке журнала знакомая советскому читателю новогодняя карикатура... Номер открывается стихотворением Джамбула “Китайскому народу” в переводе Чжан Юй-ляня» (из статьи).

1945

4. *Лу Синь*. Избранное / пер. с кит.; под ред. В. Рогова. — М.: ОГИЗ, 1945. — 215 с.

Переводы: «Маленькое происшествие» (с. 80—83); из сб. «Дикие травы»: «Осенняя ночь» (с. 142—144), «Бумажный змей» (с. 144—147), «Нищие» (с. 147—148), «Возражение собаки» (с. 149), «Суждение» (с. 149—150).

5. Китайская литература сегодня. Беседа с китайским писателем Го Мо-жо // Литературная газета, 07.VII.1945.

6. Рассказы Лу Синя // Литературная газета, 18.VII.1945.

Рец. на пер.: *Лу Синь*. «Избранное» (М.: Гослитиздат, 1945).

7. *Цзан Кэ-цзя. С армией* / пер. с кит. Л.З. Эйдлина // Литературная газета, 18.VIII.1945.

1946

8. Из танской поэзии (Бо Цзюй-и) // Труды Военного института иностранных языков. — 1946. — № 2. — С. 55—69.

Социальные и исторические предпосылки возникновения танской поэзии. Образный строй и система художественных средств китайской лирики эпохи Тан. Литературное наследие Бо Цзюй-и. Об особенностях его мировоззрения: мотивы вина и творчества. Предшественники Бо Цзюй-и (Тао Юань-мин и Ду Фу). «В стихах поэта много грусти, но это скорее грусть о несовершенстве жизни, и эта грусть еще сильнее заставляет его любить жизнь» (из статьи).

9. Параллелизм в поэзии Бо Цзюй-и // Труды Московского института востоковедения. — 1946. — Вып. III. — С. 169—180.

Параллелизм как литературный приём и лирика Бо Цзюй-и. Вопросы перевода классика китайской словесности на русский язык.

10. Академик В.М. Алексеев как историк китайской литературы // Известия АН СССР. ОЛЯ. — 1946. — Т. V. — Вып. 3. — С. 239—244. См. то же: The Academician V.M. Alexeev as a Historian of Chinese Literature / translated by F. Woodman Cleaves // Harvard Journal of Asiatic Studies. — 1947. — Vol. X. — № 1. — pp. 48—59.

В.М. Алексеев как учёный, сказавший новое слово в советской синологии. Переводческая деятельность, трактуемая в качестве одного из этапов исследования китайской литературной старины. Универсализм трудов В.М. Алексеева.

1948

11. *Лу Ди. Деньги* / пер. с кит. Л.З. Эйдлина // Знамя. — 1948. — № 8. — С. 104—116.

12. Образ нового человека в литературе демократического Китая // Знамя. — 1948. — № 8. — С. 167—176.

О «правильном» герое в новой китайской литературе.

13. *Бо Цзюй-и*. Четверостишия / пер. с кит., вступ. статья и коммент. Л.З. Эйдлина. — М.: ГИХЛ, 1949. — 224 с.

Содержание: *Л.З. Эйдлин*. «Бо Цзюй-и» (с. 5—19). — «Объяснение к стихам» (с. 21—22). — «Четверостишия» (с. 25—177): «Ван-и Тай (Башня, с которой глядят вслед уезжающим)», «Поздней осенью», «Стихи, давно написанные мною на стене станции Ло Коу», «Парк в Чанчжоуском дворце», «На вечерней реке», «Чувства мои на шаншаньской дороге», «Весна в Чанъани», «Ночью в лодке», «Вспоминая Юаня», «Дамба Вэйского князя», «Ранняя весна», «Персиковые цветы в храме Да Линь», «Лютня», «После восстания проезжаю мимо Люгоуского храма», «Ночной дождь», «Жене», «Зову восточного соседа», «Посвящаю печальному страннику», «На дороге за старой заставой», «Южная беседка в доме Яна», «Во дворе прохладной ночью», «Красный тэновый посох», «Ранней осенью ночью один», «В старом Китае», «Днём лежу в постели», «Ночь холодной пищи», «Услышав игру на чжэне девушки Цюя Седьмого», «Ночью, слушая чжэн», «Радость благоденствия», «Расстаёмся на южном заливе», «Ива у цинских ворот», «Брови жены, что тоскует об уехавшем муже», «Обращение к Цзе Чжи», «Слушая песню певицы Тянь Шунь-эр», «Отвечаю Юй Чи на его вопрос о том, в чём я нуждаюсь», «На берегу пруда», «За вином я снова задерживаю Мэн-дэ», «В женской половине дворца», «Читаю стихи Юаня “Белая борода”, пью настоенный на талом снеге чай, об этом пишу на стене», «Старая ива к западу от Цинь-Чжэн Лоу», «Смотрюсь в зеркало», «На холме “Долгая радость”, провожая уходящих, написал я эти печальные знаки», «Вспоминаю иву на реке», «В храме Цзи Сян увидел подпись Цяня», «Белый пион», «Ропот», «Ранняя смерть и старость», «Расставанье у ивы», «Вспоминаю Хуэй-Шу», «Пробуя молодое вино, вспоминаю Хуэй-Шу», «Читая Лаоцзы», «На озере “Собрания талантов” отвечаю на вопрос придворного (Пэй Ду)», «Дочь соседа», «В беседке на запад от пруда», «Я посадил белый лотос», «Навещаю Хуан-фу Седьмого», «Покидаю цветы», «Вторя Лю Юй-си, скорблю об умершей девушке из Очжоу», «Встретились со старым другом», «Весной», «Провожу ночь в бамбуковом домике», «Песня “Рву лотосы”», «У горного ручья готовлю чай. Мои чувства», «Обратная лодка», «Спрашиваю дунлинского учителя Юаня», «Мне снился мой брат Син-Цзянь (А-Лянь)», «Брожу один», «Тоскливо в холодной спальне», «Пью ночью на озере», «Лиюаньская актриса», «Осенние цикады», «“Горечь разлуки” (Название старой песни)», «Лotosовое озеро в Лунчанском храме», «За Сюе Тая скорблю о смерти жены», «На озере», «В гостях у господина начальника Пэя подношу расстающемуся со мною Мэн-дэ», «На смерть Юаня», «Старые стихи», «В деревне ночью», «Подношу старшему брату», «В Храме И Ай», «Озеро к востоку от бамбукового холма», «В храме Гань Хуа я увидел стену, на которой написали свои имена Юань Девятый и Лю Тридцать Второй», «Посылаю секретарю Вану после чтения его стихов», «Цветы — не цветы (Предупренняя дымка)», «Получил от дворцового чиновника Цяня письмо, в котором он

осведомляется о моей болезни глаз», «Окно на озеро», «В лодке читаю стихи Юаня Девятого», «Сосна», «Провожая начальника отделения Лу, отправляющегося в Хэдун в управление господина начальника Пэя», «Я огорчён весенним ветром. Посылаю два четверостишия министру Ли Шэню», «В первый день осени (восьмой день восьмого месяца) поднимаюсь в парк Лэйюу Юань», «Сучжоуский управитель Ли показал мне стихи своего сына А-У. Пишу о своих чувствах», «Жду ночного гостя — он не приходит», «В дождь, со стихами Юаня Девятого, навещаю я цензора Юаня Восьмого», «От имени цветка “Привет весне” приглашаю Лю Юй-си», «В зимний день возвращаюсь домой по пинцюаньской дороге», «Провожу ночь в Западной беседке на пруду в управлении», «Проезжая через древний Лоян», «И Чжоу (Название песни)», «У меня побывал Ся — наставник принца», «Флейта на реке», «Лодка на озере Белых Лотосов», «Весна в Лояне», «С досадой думаю о прошлом годе», «После поста (Радуясь раннему приходу Хуан-фу Лан-чжи)», «Проезжий, оставленный в холодной станции», «Приглашаю буддийского монаха, живущего в горах», «Взбираюсь на вершину горы Сянлу», «Снежной ночью в деревне», «При встрече с Сюн Жу-дэном», «Вэй-чжи, Дунь-ши, Хуэй-шу умерли один за другим. В одиночестве, лишившись друзей, удручённый печалью, написал я два четверостишия», «Пьяный, разгуливаю в Пинцюани (В горах недалеко от Лояна)», «Навещаю весну», «Благодарю Чао (Ян Дун-чуаня) за присланное мне платье», «Один стою на западной башне», «В болезни (Предисловие к стихам)», «В болезни», «Три шуточных четверостишия» («Душа обращается к телу», «Тело отвечает душе», «Душа отвечает телу»), «Расстаюсь с ивовыми ветками», «Под горой расстаюсь с проводившим меня буддийским монахом», «Старость весной», «Я, написав два четверостишия, продолжаю десять песен поэмы “Иду в пустоте”, подаренной мною даосскому учителю Сяю», «Больной, получил я письмо от Фаня», «Из цикла “К вину”», «Ивовый пух», «Два четверостишия, приписанные мною к собранию сочинений покойного Юань Цзун-цзяня», «В дальнем зале императорской библиотеки», «Я в первый раз пришёл в Сяншань Юань перед восходом солнца», «Я увидел Лю Юй-си в первый раз после разлуки», «На Цюйцзяне», «Возвращаюсь вечером в восточный город», «Гуляю в Чжао Цунь среди абрикосовых цветов», «Мне жаль цветов». — «Из “Циньских напевов”» (с. 179—188): «В тонких одеждах на сытых конях», «Покупаем цветы», «Песни и пляски». — «Из “Новых народных песен”» (с. 191—201): «Старый угольщик (Против дворцовых “закупок”», «Дулинский старик (Страдания крестьянина)», «Дракон Чёрной Пучины (Против лихоимцев-чиновников)», «Я сшил себе тёплый халат». — «Примечания» (с. 203—217).

14. On the literature of Democratic China // Soviet Literature. — 1949. — № 4. — Pp. 131—136.

«О литературе демократического Китая» (пер. назв.). Новая китайская литература: социально-исторические условия возникновения, пути развития, связь с русской советской литературой. Творчество Лу Синя, Ли Бо, Лу Ти, Та-

и Фу. Направляющая роль Коммунистической партии Китая. Высказывания Мао Цзэ-дуна о литературе.

15. Пушкин в Китае // Известия АН СССР. ОЛЯ. — 1949. — Т. VIII. — Вып. 5. — С. 479.

О рецепции А.С. Пушкина в Китае. Переводы пушкинских сочинений на китайских язык.

16. Китайская литература на подъёме // Литературная газета, 12.X.1949.

О поэтах Цао Мин, Дин Лин, Чжао Шу-ли, Чжоу Ли-бо.

17. *Цзан Кэ-цзя*. Памятник / пер. с кит. Л.З. Эйдлина // Огонёк. — 1949. — № 24. — С. 14.

1950

18. Chinese literature on the upgrade // Soviet Literature. — 1950. — № 2. — Pp. 144—149.

«Китайская литература на подъёме» (пер. назв.). О новой китайской литературе, социально-исторических предпосылках её возникновения. Связь с реалистической традицией. Обзор имён и произведений в период с 1919 по 1949 годы.

19. *Тянь Цзянь*. Возница. Из поэмы / пер. с кит. Л.З. Эйдлина // Огонёк. — 1950. — № 2. — С. 17.

20. *Чжан Тянь-и*. Басни / пер. с кит. Л.З. Эйдлина // Огонёк. — 1950. — № 2. — С. 18—19. См. то же: Чудесный мастер. — Чита, 1954. — С. 72—77.

Басни: «Деревенский аристократ», «Горсть семечек», «Волк и комар», «Соловей и свинья», «Малярийный комар и большие», «Некий господин», «Запись рассуждений свиньи», «Добрая змея», «Лиса».

21. Образы строителей демократического Китая // Знамя. — 1950. — № 7. — С. 180—192. См. то же в кн.: О писателях и книгах. — Пекин, 1952. (на кит. яз).

Производственная тема в новой китайской литературе.

22. Из китайских поэтов // Новый мир. — 1950. — № 9. — С. 3—8.

Переводы стихотворений четырех китайских поэтов, «посвятивших своё творчество борьбе против японских империалистов... а затем строительству

нового, демократического Китая» (из статьи). *Янь Чэнь*: «Наш самый дорогой товарищ». — *Цзан Кэ-Цзя*: «Наша повозка мчится на фронт», «Прощаюсь с Чаньянью». — *Се Тин-юй*: «Письмо в Цзяннань». — *Тянь Цзянь*: «Правды великой весна».

1951

23. *Бо Цзюй-и*. Четверостишия / пер. с кит., вступ. статья и коммент. Л.З. Эйдлина. — М.: ГИХЛ, 1951. — 240 с.

Содержание аналогично изд. «Четверостиший» Бо Цзюй-и 1949 года.

24. Пьеса и её перевод // Литературная газета, 03.III.1951.

Рец. на пер.: *Хэ Цзин-чжи* и *Дин Ни*. «Седая девушка. Драма в 5 действиях, 19 картина» (Звезда. — 1951. — № 2. — С. 68—106).

25. Рабочая тема в китайской литературе 1950 года // Учёные записки Института востоковедения. — Т. II. Китайский сборник. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1951. — с. 191—210. См. то же: Черты нового // Знамя. — 1951. — № 8. — С. 176—185.

Обзор китайской литературы 1950 года на производственную тему.

26. Великий сын китайского народа // Литературная газета, 18.X.1951.

О Лу Сине, его жизни и вкладе в новую китайскую литературу.

27. Глубокий интерес к литературе Китая. Читательская конференция на заводе «Компрессор» // Литературная газета, 03.VII.1951.

28. Из китайской классической поэзии // Новый мир. — 1951. — № 11. — С. 120—123.

Переводы: *Бо Цзюй-и*: «Мой вздох при взгляде на гору Сун и реку Ло», «В жестокую стужу в деревне», «Скорблю о смерти поэта Тан Цюя», «Я остановился на ночь в деревне на северном склоне горы Цзыгэ». — *Мэн Хао-жань*: «Весеннее утро», «Ночую на реке Цзяньдэ», «В деревне у друга», «Ранние холода».

29. *Лань-ни*. Из поэмы «Возница» / пер. с кит. Л.З. Эйдлина // Фронт мира: сборник. — М.; Л.: Искусство, 1951. — С. 379—382.

30. *Тянь Цзянь*. Правды великой весна. Стихи / пер. с кит. Л.З. Эйдлина // Слово о мире: сборник. — М.; Л.: Детгиз, 1951. — С. 146.

31. *Янь Чэнь*. Наш самый дорогой товарищ // Поэты мира в борьбе за мир: сборник. — М.: Правда, 1951. — С. 712—713. См. то же: Слово о мире: сборник. — М.; Л.: Детгиз, 1951. — С. 18—20.

1952

32. *Ху Кэ*. Они выросли в боях. Пьеса в 4 действиях, 5 картинах / пер. с кит. С. Чжоу и Л.З. Эйдлина // Знамя. — 1952. — № 7. — С. 112—146. См. то же в отдельном изд.: *Ху Кэ*. Они выросли в боях. Пьеса в 4 действиях, 5 картинах / пер. с кит. С. Чжоу и Л.З. Эйдлина; предсл. Дин Лин. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1952. — 92 с.

33. Роман о великих преобразованиях // Выдающиеся произведения литературы 1951 года: сборник статей. — М.: Советский писатель, 1952. — С. 94—113.

О современной китайской литературе как активной участнице строительства народно-демократического Китая. Романы Дин Лин.

34. Рассказ Ли На «Уголь» // Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР. — Т. II. — 1952. — С. 57—60.

35. Народная пьеса // Выдающиеся произведения литературы 1951 года: сборник статей. — М.: Советский писатель, 1952. — С. 553—562.

О пьесе «Седая девушка» Хэ Цзин-чжи и Дин-Ни.

36. Произведение народной литературы // Литературная газета, 22.V.1952.

Рец. на пер.: Хэ Цзин-чжи и Дин Ни. «Седая девушка» (М.: Изд-во иностранной литературы, 1952).

37. О Лу Сине // Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР. — Т. IV. — 1952. — С. 73—74.

О докладе Л.З. Эйдлина на расширенном заседании, посвящённом 15-летию со дня смерти великого китайского писателя Лу Синя (в разделе «Хроники»).

38. *Лу Синь*. Избранное / вступ. статья Н. Федоренко; пер. с кит. под ред. В. Рогова. — М.: ГИХЛ, 1952. — 203 с.

Переводы: из сб. «Клич» («Маленькое происшествие» — с. 34—36), из сб. «Дикие травы» («Осенняя ночь» — с. 190—192, «Бумажный змей» — с. 193—195, «Возражение собаки» — с. 196, «Суждение» — с. 197).

39. [Без названия] // Литературная газета, 11.XII.1952.

Рец. на пер.: *Чжао Шу-ли*. «Песенки Ли Юцяя» (М.: Правда, 1952).

1953

40. Первая повесть Гао Юй-бао // Литературная газета, 19.V.1953.

41. Из стихов китайских поэтов // Новый мир. — 1953. — № 7. — С. 179—182.

Переводы: *Вэй Ян*: «Я вернулся, отчизна!». — *Тянь Цзянь*: «Тысяче погибших». — *Цзан Кэ-Цзя*: «Он приехал домой».

42. О рассказах Гао Юй-бао // Цзефанцзюнь вэньи (Литература и искусство Освободительной армии). — Пекин. — 1953. — № 7. (на кит. яз).

43. «Смерть за родину» // Огонёк. — 1953. — № 24. — С. 16.

Предисловие («Великий китайский поэт Цюй Юань») и перевод стихотворения Цюй Юаня.

44. Китайский народный поэт Цюй Юань // Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР. — Т. XVI. — 1953. — С. 87—90.

Краткое содержание доклада Л.З. Эйдлина, прочитанного автором на заседании Учёного совета 12 мая 1953 года. Заседание было посвящено памяти Цюй Юаня.

45. Поэты нового Китая: сборник / общ. ред. и предисл. Н.Т. Федоренко. — М.: Молодая гвардия, 1953. — 327 с.

Переводы: *Го Мо-Жо* (с. 58): «К встрече Сталина и Мао Цзэ-дуна». — *Тянь Цзянь*: «Правды великой весна» (с. 109), «“Возница” (из поэмы)» (с. 123—128), «“Тысяче погибших” (из стихов о Корее)» (с. 138—139). — *Цзан Кэ-Цзя*: «Он приехал домой» (с. 149—150), «Наша повозка мчится на фронт» (с. 151), «Прощаюсь с Чаньянью» (с. 152—153), «Памятник» (с. 157—159). — *Вэй Ян* (с. 313—315). «Я вернулся, отчизна!».

1954

46. «Цюй Юань» на сцене // Литературная газета, 01.IV.1954.

Рец. на постановку пьесы Го Мо-жо «Цюй Юань» в Московском театре имени М.Н. Ермоловой.

47. Книга о современной китайской литературе // Литературная газета, 08.IV.1954.

Рец. на кн.: *Н.Т. Федоренко*. «Очерки современной китайской литературы» (М.: Гослитиздат, 1953).

48. *Лу Синь*. Маленькое происшествие (рассказ) / пер. с кит. Л.З. Эйдлина // Звезда Востока. — 1954. — № 10. — С. 88—89.

49. О положительном герое в современной китайской литературе // Знамя. — 1954. — № 10. — С. 182—192.

Социальные и идеологические истоки возникновения нового героя в современной автору статьи китайской литературе.

50. Из китайской классической поэзии // Новый мир. — 1954. — № 10. — С. 114—121.

Избранные переводы китайской средневековой лирики. *Цюй Юань*: «Плачу по столице Ину». — *Тао Юань-мин*: «В год гуймао в начале весны думаю о старом деревенском доме». — *Мэн Хао-жань*: «В конце года я вернулся в гору Чжуннань». — *Ли Бо*: «На озере Персиковых Цветов (Ван Лунно)». — *Гао Ши*: «Ночью расстанусь с другом». — *Чжан Цзи*: «Я ночую в доме рыбака». — *Бо Цзюй-и*: «Я впервые на тайханской дороге», «Я смотрю, как убирают пшеницу».

51. *Цюй Юань*. Стихи / пер. с кит.; вступ. статья и общ. ред. Н.Т. Федоренко. — М.: ГИХЛ, 1954. — 158 с.

Переводы: «Смерть за родину» (с. 64—65), «Плачу по столице Ину» (с. 90—95).

52. *Лу Синь*. Собрание сочинений: в 4 томах / под общ. ред. В.С. Колоколова, К.М. Симонова, Н.Т. Федоренко. — Т. I: Рассказы / сост. Л.Д. Позднеева, вступ. статья Н.Т. Федоренко, пер. с кит. под ред. В.С. Колоколова и В.Н. Рогова. — М.: ГИХЛ, 1954. — 463 с.

Переводы: из сб. «Клич» («Маленькое происшествие» — с. 99—101), из сб. «Дикie травы» («Осенняя ночь» — с. 231—233, «Нищие» — с. 236—237, «Бумажный змей» — с. 244—246, «Возражение собаки» — с. 253, «Суждение» — с. 261).

53. Из китайской классической литературы // Советское востоковедение. — 1955. — № 1. — С. 104—116.

Переводы: *Чжан Цзи*: «Песня о старом крестьянине». — *Бо Цзюй-и*: «Старик со сломанной рукой. Против “Подвигов на границах”». — *Ли Шэнь*: «Печалюсь о крестьянине».

54. Из Хэ Чжи-Чжан (659—744) и Бо Цзюй-и (772—846) // Юность. — 1955. — № 2. — С. 44.

Переводы: *Хэ Чжи-Чжан*: «При возвращении домой». — *Бо Цзюй-и*: «Спрашиваю у друга».

55. Литература и армия. По страницам китайского журнала «Цзефанцзюнь вэнь» («Литература и искусство Освободительной армии»), 1955, № 1—4 // Новый мир. — 1955. — № 7. — С. 218—221.

56. Торжество таланта // Литературная газета, 11.VIII.1955.

О пьесе «Пролитая чаша». Спектакль Шаосинской оперы.

57. О китайской литературе наших дней. — М.: Советский писатель, 1955. — 298 с.

О векторах развития новой китайской литературы. Материалом описания и анализа стали художественные произведения, созданные китайскими авторами в период с 1942 по 1955 годы. Разбор современных текстов соседствует с экскурсами в историю китайской литературной классики. Реализм как ведущий творческий метод литературы революционно-демократического Китая.

58. О современной китайской литературе // Краткие сообщения Института востоковедения. — Вып. XVII. — 1955. — С. 10—19.

В статье прослеживаются пути развития китайской литературы от событий, связанных с 4 мая 1919 года до 1955 года. Реалистическая тенденция новой литературы Китая. Соотношение с древней культурной традицией.

59. Лу Синь // Лу Синь. Подлинная история А-кью. Рассказы / пер. с кит.; сост., вступ. статья и общая ред. Л. Эйшлина. — Гос. изд-во детской литературы Минва просвещения РСФСР, 1955. — С. 3—10. См. там же пер.: «Маленькое происшествие» (с. 30—32), «Бумажный змей» (с. 153—156).

«Трудно найти более национального писателя, чем Лу Синь, — писателя, который бы так глубоко воспринял народные реалистические традиции китайской классической литературы. Но Лу Синь чужд какой-либо национальной узости: его всегда волновала судьба европейской литературы» (из статьи).

60. Чжоу Ли-Бо и его роман «Ураган» // Писатели стран народной демократии: сборник статей. — М.: ГИХЛ, 1955. — С. 52—69.

О писателе новой волны и его произведении, переведённом на русский язык и опубликованном в издательстве «Иностранная литература» (1952 год). Биография. Специфика творческого метода. Связь с искусством реализма.

1956

61. Новый перевод // Литературная газета, 26.VI.1956.

Рец. на пер.: *Лу Сун-лин* (Ляо Чжай). «Лисьи чары. Странные истории» (М.: Гослитиздат, 1955).

62. Литература и план // Новый мир. — 1956. — № 7. — С. 204—207.

Обзор из раздела «По страницам иностранных литературных журналов».

63. Китайская классическая поэзия (эпоха Тан) / сост., вступ. статья и общая ред. Н.Т. Федоренко. — М.: ГИХЛ, 1956. — 431 с.

Переводы: *Хэ Чжи-чжан* (с. 49—50): «При возвращении домой». — *Мэн Хао-Жань* (с. 54—66): «В деревне у друга», «Ранние холода», «Пишу на стене кельи учителя И», «Ночью возвращаюсь в Лумынь», «Прощаюсь с Ван Вэем», «В конце года я вернулся на гору Чжуннань», «Весеннее утро», «Ночую на реке Цзяньдэ». — *Ли Бо* (с. 124): «На озере Персиковых Цветов». — *Гао Ши* (с. 128—129): «Ночью расстаюсь с другом». — *Чжан Цзи* (с. 215—219): «Песня о старом крестьянине», «Осенние думы», «Я ночую в доме рыбака». — *Бо Цзюй-и* (с. 258—309): «Собираю траву дихуан», «В жестокою стужу в деревне», «Скорбно о смерти поэта Тан Цюя», «Я остановился на ночь в деревне на северном склоне горы Цзыгэ», «Я смотрю, как убирают пшеницу», «Я впервые на тайханской дороге», «Мой вздох при взгляде на гору Сун и реку Ло», «Спрашиваю у друга», «Я сшил себе тёплый халат», «Луна на чужбине», «Цзяннаньские воспоминания», «Из “Циньских напевов”» («В тонких одеждах на сытых конях», «Покупаем цветы», «Песни и пляски»), «Из “Новых народных песен”» («Старый угольщик (Против дворцовых “закупок”»», «Дулинский старик (Страдания крестьянина)», «Дракон Чёрной Пучины (Против лихоимцев-чиновников)», «Старик со сломанной рукой (Против “подвигов на границе”»)). — *Ли Шэнь* (с. 330—331): «Печалюсь о крестьянине».

64. *Цюй Юань*. Стихи / пер. с кит.; вступ. статья и общ. ред. Н.Т. Федоренко. — М.: ГИХЛ, 1956. — 304 с.

Переводы: «Смерть за родину» (с. 73—74), «Плачу по столице Ину» (с. 100—105).

65. Рассказы о китайских детях // Дети великого народа. Рассказы китайских писателей / ред.-сост. А.Г. Гатов. — М.: Гос. изд-во детской литературы Министерства просвещения РСФСР, 1956. — С. 3—8.

«Это книга о китайских детях, об их жизни в разные времена народной борьбы за освобождение Китая, об их счастливым детстве в новом, народно-демократическом государстве» (из статьи).

66. Коммунист (Саратов), 29.VIII.1956.

Переводы: *Мэн Хаожань*. «Ранние холода». — *Чжу Цинъюй*. «Великая стена: стихи».

1957

67. Театр и актёры (к гастролям Шанхайского театра пекинской музыкальной драмы) // Театр. — 1957. — № 1. — С. 163—167. См. то же: Сицзюй яньцзю (Театроведение). — 1959. — № 3. (на кит. яз).

О новом народном китайском театре. Классика и современность. Реализм в искусстве.

68. Старинная китайская философская проза // Восточный альманах. Сборник. — Вып. I. — М.: ГИХЛ, 1957. — С. 119—120. Там же: Примечания (с. 136—137).

Предисловие к переводам В.М. Алексеева из древнекитайских текстов философского жанра.

69. Из китайской классической поэзии / пер. с кит. и вступл. Л.З. Эйдлина // Иностранная литература. — 1957. — № 9. — С. 127—132.

Тао Юань-мин: «Из стихов “За вином”» («Я поставил свой дом...»), «Из стихов “В подражание древнему”». — *Мэн Хао-жань*: «Ночью на реке Тунлуцзян. Посылаю старому другу». — *Бо Цзюй-и*: «Ночью в доме над рекой читаю стихи Юаня Девятого».

70. Антология китайской поэзии / пер. с кит. под общей ред. Го Можо и Н.Т. Федоренко. — Т. I. — М.: ГИХЛ, 1957. — 423 с.

Переводы: *Цюй Юань* (с. 163—185): «Смерть за родину (из цикла “Девять напевов”», «Плачу по столице Ину (из цикла “Девять элегий”»». — *Тао Юань-мин* (с. 333—341): «В год гуймао в начале весны думаю о старом деревенском доме», «В двенадцатый месяц года гуймао написал я эти стихи и преподношу их моему двоюродному брату Цзин Юаню», «Прошу подаянья», «Из стихов “За вином”», «Из стихов “В подражание древнему”».

71. Антология китайской поэзии / пер. с кит. под общей ред. Го Можо и Н.Т. Федоренко. — Т. II. — М.: ГИХЛ, 1957. — 376 с.

Переводы: *Хэ Чжи-Чжан* (с. 22—23): «При возвращении домой». — *Мэн Хао-жань* (с. 32—46): «В деревне у друга», «Ранние холода», «Пишу на стене кельи учителя И», «Ночью возвращаюсь в Лумынь», «Прощаюсь с Ван Вэем», «В конце года я вернулся на гору Чжуннань», «Весеннее утро», «Ночую на реке Цзяньдэ», «Осенью поднимаюсь на Ланьшань, посылаю Чжану Пятому», «Летом, в южной беседке думаю о Синь Да», «На западной горе навещаю Синь О», «Ночью в горной келье учителя Е, жду друга Дина, он не приходит». — *Чжан Цзи* (с. 189—228): «Песня о старом крестьянине», «Осенние думы», «Я ночую в доме рыбака». — *Лю Юй-си* (с. 228): «Осенний ветер». — *Бо Цзюй-и* (с. 230—270): «Собираю траву дихуан», «В жестокую стужу в деревне», «Скорблю о смерти поэта Тан Цюя», «Я остановился на ночь в деревне на северном склоне горы Цзыгэ», «Я смотрю, как убирают пшеницу», «Я впервые на тайханской дороге», «Мой вздох при взгляде на гору Сун и реку Ло», «Спрашиваю у друга», «Я сшил себе тёплый халат», «Луна на чужбине», «Цзяннаньские воспоминания», «Из “Циньских напевов”», «Из “Новых народных песен”». — *Ли Шэнь* (с. 289—290): «Печалюсь о крестьянине».

72. Ред.: *Анастасьев А.Н.* В китайском театре. Путевые заметки. — М.: Советский писатель, 1957. — 71 с.

73. Ред.: Китайская художественная литература: библиография русских переводов и критической литературы на русском языке / сост. П.Е. Скачков и И.К. Глаголева. — М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1957. — 167 с.

1958

74. Памяти товарища Чжэн Чжэнь-до // Вэньсюэ яньцзю (Литературоведческие поиски). — 1958. — № 3. (на кит. яз.).

Воспоминания о трагически погибшем заместителе министра культуры Китая (см. также статью 1961 года о нём на русском языке, № 86).

75. Антология китайской поэзии / пер. с кит. под общей ред. Го Можо и Н.Т. Федоренко. — Т. IV. — М.: ГИХЛ, 1958. — 339 с.

Переводы: *Мао Цзэ-дун* (с. 17—19): «Куньлуны», «Снег». — *Цзан Кэ-цзя* (с. 98—102): «Прощаюсь с Чаньянью», «Наша повозка мчится на фронт», «Он приехал». — *Тянь Цзянь* (с. 146—157): «Правды великой весна», «Тысяче погибших (из стихов о Корее)», «Возница (из поэмы)». — *Вэй Ян* (с. 255—257): «Я вернулся, отчизна!».

76. Предисловие // Китайская классическая проза в переводах академика В.М. Алексеева / отв. ред. Л.З. Эйдлин. — М.: Изд-во АН СССР, 1958. — С. 5—36. Там же: Комментарии — С. 340—383. См. то же (с теми же стр.): Китайская классическая проза в переводах академика В.М. Алексеева / 2-е изд. — М.: Изд-во АН СССР, 1959. — 387 с.

Об В.М. Алексееве как русском синологе. Биографические вехи. Своеобразие научной методологии. Из истории мировой китаистики до В.М. Алексеева. Переводческая работа. «По существу В.М. Алексеев впервые в синологии дал подлинно художественный и строго научный перевод произведений старой китайской литературы» (из статьи).

77. *Бо Цзюй-и*. Стихи / пер. с кит. Л.З. Эйдлина, предисл. Го Мо-жо. — М.: ГИХЛ, 1958. — 263 с.

Содержание: «Предисловие» (с. 5—12). — «Объяснения к стихам» (с. 13—14). — «Из “Циньских напевов”» (с. 17—23): соответствует изд. 1949 года. — «Из “Новых народных песен”» (с. 27—40): соответствует изд. 1949 года, добавлен пер. стихотворения «Старик со сломанной рукой (Против “подвигов на границе”)». — «Четверостишия» (с. 43—195): соответствует изд. 1949 года. — «Разные стихи» (с. 199—229): «Я сшил себе тёплый халат», «Собираю траву дихуан», «В жестокую стужу в деревне», «Скорблю о смерти поэта Ган Цюя», «Я остановился на ночь в деревне на северном склоне горы Цзыгэ», «Я смотрю, как убирают пшеницу», «Я впервые на тайханской дороге», «Мой вздох при взгляде на гору Сун и реку Ло», «Спрашиваю у друга», «Луна на чужбине», «Цзяннаньские воспоминанья», «Ночью в доме над рекой читаю стихи юаня Девятого». — «Бо Цзюй-и» (с. 231—242). — «Комментарий» (с. 245—257).

78. Гуань Хань-цин // Литературная газета, 19.VI.1958.

79. Ред.: Федоренко Н.Т. «Шицзин» и его место в китайской литературе. — М.: Изд-во восточной литературы, 1958. — 167 с.

1959

80. Тао Юань-мин / вступление и пер. с кит. Л.З. Эйдлина // Иностранная литература. — 1959. — № 10. — С. 143—146.

Из поэзии Тао Юань-мина: «Возвратился к садам и полям», «Птица, прилетевшая обратно».

81. Ред.: Цюй Цю-бо. Очерки и статьи / пер. с кит., сост. и вступ. статья М.Е. Шнейдера. — М.: ГИХЛ, 1959. — 272 с.

1960

82. К вопросу о традиции и новаторстве в китайской поэзии: творчество Тао Юань-мина. — М.: Изд-во восточной литературы, 1960. — 8 с. См. то же: Tradition and innovation in Chinese poetry (The works of Tao Yuan-ming) // Труды XXV Международного конгресса востоковедов (Москва, 9—16 августа 1960 года). Т. V. Заседание секций XVI—XX. — М.: Изд-во восточной литературы, 1963. — С. 117—123.

83. Новая китайская литература (очерк развития) // Вопросы культурной революции в Китайской Народной Республике: сборник статей. — М.: Изд-во восточной литературы, 1960. — С. 137—198.

Новая литература в Китае. Предпосылки возникновения. Направляющая роль Мао Цзэ-дуна. Обзор романов, повестей и рассказов от Лу Синя до Цюй Бо.

84. Мэй Лань-фан и «условность» китайского традиционного театра // Театр. — 1960. — № 12. — С. 167—174.

О выдающемся актёре пекинского музыкального театра Мэй Лань-фане. «Актёр-автор, актёр-мыслитель, актёр-поэт!» (из рец.).

1961

85. Тао Юань-мин. Из «Подражания древнему» / пер. с кит. Л.З. Эйдлина // Восточный альманах. Сборник. — Вып. IV. — М.: ГИХЛ, 1961. — С. 142—149.

Переводы: «Так цвела буйным цветом...», «Я прощаюсь с родными...», «В середине лета...», «Высоко-высоко...», «Вечно в зелени тёмной...», «День уже вечереет...», «В годы юности ранней...».

86. Памяти Чжэн Чжэнь-до // Восточный альманах. Сборник. — Вып. IV. — М.: ГИХЛ, 1961. — С. 176—180.

Из воспоминаний о заместителе министра культуры Китайской Народной Республики.

87. Классическая китайская поэзия // Детская энциклопедия: в 10 томах / для среднего и старшего возраста; глав. ред. А.И. Маркушевич. — Т. X: Литература и искусство / науч. ред. Д.Д. Благой и др. — М.: Изд-во АПН РСФСР, 1961. — С. 458—462. См. то же: Детская энциклопедия: в 12 томах / для среднего и старшего возраста; глав. ред. А.И. Маркушевич. — Т. XI: Язык художественной литературы / науч. ред. Е.А. Бокарев. — 2-ое изд. — М.: Просвещение, 1968. — С. 567—578.

Китайская поэзия как явление в исторической проекции (популярный стиль изложения).

88. «Му Гуй-ин ведёт войска» // Театр. — 1961. — № 6. — С. 184—186.

Постановка пьесы «Му Гуй-ин ведёт войска» на китайской сцене с участием Мэй Лань-Фана. «Я шёл домой по старым пекинским улицам, спящим в тишине ночи, и знал, что каждая из них причастна к увиденному мною великому чуду, которому имя — Мэй Лань-Фан» (из рец.).

89. Тао Юань-мин / пер. с кит. Л.З. Эйдлина // Иностранная литература. — 1961. — № 11. — С. 188—192.

1962

90. Традиция и новаторство (о китайском национальном балете) // Театр. — 1962. — № 1. — С. 186—192.

Национальный китайский балет как явление мирового искусства. Возникновение и этапы развития. Анализ трёх балетных представлений: «Волшебного фонаря», «Башни Лэйфынта» и «Восстания Союза мечей».

91. Китайская литература (краткий очерк). — М.: Изд-во восточной литературы, 1962. — 252 с. (в соавторстве с В.Ф. Сорокиным).

Содержание: «От редколлегии» (с. 5—7). — «Живые традиции» (с. 11—107): «Поэзия», «Проза», «Драматургия». — «Современная литература» (с. 111—236): «Китайская литература до «движения 4 мая», «“Движение 4 мая” (двадцатые годы и начало тридцатых)», «Дискуссия о революционной литературе», «Лига левых писателей», «Период войны с японскими захватчиками», «Яньанское совещание», «Сороковые годы. “Библиотека народной литературы”», «Литература победившего народа», «Произведения последних лет». — «Библиография» (с. 237—241). — «Указатель имён

китайских авторов» (с. 242—245). — «Указатель названий произведений, серийных и периодических изданий (с. 246—251)».

92. Бо Цзюй-и // Краткая литературная энциклопедия / глав. ред. А.А. Сурков. — Т. I (Аарне — Гаврилов). — М.: Советская энциклопедия, 1962. — Стлб. 707—708.

93. Слово о Ду Фу (к 1250-летию со дня рождения великого поэта) // Восточный альманах. Сборник. — Вып. V. — М.: ГИХЛ, 1962. — С. 226—233.

Жизнь и творчество Ду Фу. Ду Фу и Ли Бо. Характеристика социальной среды и исторической эпохи. Особенности традиционной китайской лирики.

94. Поэт великого народа // Иностранная литература. — 1962. — № 12. — С. 255—257.

О жизни и творчестве Ли Бо (к 1200-летию со дня смерти китайского поэта).

95. Ред.: *Вяткин Р.В.* Музеи и достопримечательности Китая. — М.: Изд-во восточной литературы, 1962. — 174 с.

96. Ред.: *Сорокин В.Ф.* Творческий путь Мао Дуня. — М.: Изд-во восточной литературы, 1962. — 183 с.

1963

97. «Персиковый источник» Тао Юань-мина // Народы Азии и Африки. — 1963. — № 6. — С. 103—117.

«На русский язык предисловие <к поэме> переводилось Ю.К. Щуцким (“Восток”. Сборник первый. Литература Китая и Японии. — М., Л., 1935, стр. 203—204), В.М. Алексеевым (“Китайская классическая проза в переводах академика В.М. Алексеева”. — М., 1959, стр. 172—174). Стихи переводятся на русский язык впервые. Полный перевод “Персикового источника” сделан автором статьи» (из статьи).

98. К рассказу Чэнь Сян-хэ // Восточный альманах. Сборник. — 1963. — Вып. VI. — С. 202—205.

Послесловие в рассказе китайского писателя Чэнь Сян-хэ «Тао Юань-мин пишет “Поминальную песню”» (в пер. В. Панасюка). Один предполагаемый день из жизни великого поэта. В приложении — пер. стихотворения Тао Юань-мина «Поминальная песня» (с. 203—205).

99. Ред.: Белоусов Р.С. В тысячах иероглифах. О книгах и людях. — М.: Изд-во восточной литературы, 1963. — 260 с.

100. Ред.: Черкасский Л.Е. Поэзия Цао Чжи. — М.: Изд-во восточной литературы, 1963. — 148 с.

1964

101. Великий реалист Цао Сюэ-цинъ // Иностранная литература. — 1964. — № 8. — С. 253—255.

О романе Цао Сюэ-цинъ «Сон в красном тереме».

102. Зеркало поэзии // Иностранная литература. — 1964. — № 10. — С. 260—261.

Рец. на пер.: «Волшебное зеркало. Дотанские новеллы» (М.: Гослитиздат, 1963).

103. Тао Юань-мин. Лирика / пер. с кит., сост., вступ. статья и примеч. Л.З. Эйдлина. — М.: Художественная литература, 1964. — 151 с.

Содержание: Л.З. Эйдлин. «Тао Юань-мин» (с. 5—18). — «Стихотворения» (с. 20—129): «В пятый месяц года гэнцзы на пути из столицы домой задержан ветром в Гуйлине», «В седьмой месяц года синьчоу, возвращаясь после отпуска в Цзянлин, ночью проезжаю Тукоу...», «В год гуймао ранней весной размышляю о древнем в моём деревенском доме», «Написал в двенадцатый месяц года гуймао, дарю двоюродному брату Цзин-Юаню», «Наставляю сына», «Возвратился к садам и полям» («С самой юности чужды мне мелодии пошлого мира...»), «Здесь, в глуши деревенской...», «Вот бобы посадил я...», «С давних пор так бывало...», «Никого. И в печали я иду, опираясь на палку...»), «Птица, прилетевшая обратно» («Птица после скитаний прилетает обратно...» — I, «Птица после скитаний прилетает обратно...» — II, «Птица после скитаний прилетает обратно...» — III, «Птица после скитаний прилетает обратно...» — IV, «Укоряю сыновей», «Печалюсь о моём двоюродном брате Чжун-дэ»), «Стихи о разном» («В мире жизнь человека...», «К ночи бледное солнце...», «Краски цветенья нам трудно надолго сберечь...», «“Мыслью доблестный муж”...», «Вспоминаю себя полным сил в молодые годы...», «Я, бывало, услышав поученья старших годами...», «Солнце с луною...», «Вместо пахоты службой содержать я себя не думал...», «Далеко от семьи...», «Я, пока не служил, буйством помыслов дерзких смирял...», «Я в скитаньях моих не сказать, чтоб ушёл далеко...», «Послушная ветру сосна на высоком обрыве...»), «За вином» («Тлен и цветенья...», «Всюду мечется—бьётся...», «Я поставил свой дом...», «Хризантемы осенней...», «Зелёной сосною...», «Забрезжило утро, — я слышу, стучатся в дверь...», «Вот бывают же люди...», «В убогом

жилище...», «Учёный Цзы-юнь пристрастие имел к вину...»), «Подражание древнему» («Так цвела буйным цветом под окном в саду орхидея...», «Я прощаюсь с родными...», «К середине весны...», «Высоко—высоко...», «Далеко на востоке...», «С хвоей тёмно-зелёной...», «День уже вечереет...», «В годы юности ранней...», «Посадил я однажды у Янцзы на побережье туты...», «Читая “Шаньхайцзин” — Книгу Гор и Морей», «Восхваляю Цзин Кэ», «Прошу подаянья»), «Поминальная песня» («Если в мире есть жизнь...», «Прежде было ли так...», «Всё кругом, всё кругом заросло сплошной травой...»). — «Персиковый источник» (с. 132—138). — «Примечания» (с. 139—148).

104. Ред.: «Красный прибор». Поэзия «4 мая» / предисл. и пер. с кит. Л. Черкасского. — М.: Наука, 1964. — 98 с.

105. Ред.: *Шнейдер М.Е.* Творческий путь Цюй Цю-бо (1899—1935). — М.: Наука, 1964. — 228 с.

1965

106. *Бо Цзюй-и.* Лирика / пер. с кит., сост., вступ. статья и примеч. Л.З. Эйдлина. — М.: Художественная литература, 1965. — 212 с.

Содержание: *Л.З. Эйдлин.* «Бо Цзюй-и» (с. 5—28). — «Двадцать разных стихотворений» (с. 30—60): «Я смотрю, как убирают пшеницу», «Я остановился на ночь в деревне на северном склоне горы Цзыгэ», «Скорблю о смерти поэта Тан Цюя», «Спрашиваю у друга», «Собираю траву дихуан», «В жестокую стужу в деревне», «Я сшил себе тёплый халат», «Навещаю старое жилище почтенного Тао», «Ночью в доме над рекой читаю стихи Юаня Девятого», «Луна на чужбине», «Я впервые на тайханской дороге», «Мой вздох при взгляде на гору Сун и реку Ло», «Объяснение к стихам». — «Из “Циньских напевов”» (с. 61—66): «В тонких одеждах на сытых конях», «Песни и пляски», «Покупаем цветы». — «Из “Новых народных напевов”» (с. 67—76): «Старик со сломанной рукой (против “подвигов на границах”», «Дулинский старик (Страдания крестьянина)», «Старый угольщик (Против дворцовых “закупок”», «Дракон Чёрной Пучины (Против лихоимцев-чиновников)». — «Сто четверостиший» (с. 77—178): соответствует изд. 1949 года. — «Две поэмы» (с. 180—197): «Вечная печаль», «Пипа (стихи и предисловие к ним)». — «Примечания» (с. 198—207).

107. Всё живое // Иностранная литература. — 1965. — № 11. — С. 263—264.

Рец. на пер.: *Нгуен Зу.* «Всё живое» (М.: Художественная литература, 1965). Нгуен Зу — вьетнамский поэт (1765—1820).

1966

108. Чистота взгляда // Иностранная литература. — 1966. — № 6. — С. 275—276.

Рец. на пер.: «Тётушкин пирог. Новеллы вьетнамских писателей» (М.: Наука, 1965). «Все рассказы интересны... Приятно, что в силах переводчиков оказалось дать нам это почувствовать» (из рец.).

109. От редактора // В.М. Алексеев. Китайская народная картина. Духовная жизнь старого Китая в народных изображениях. — М.: Наука, 1966. — С. 3—4.

110. Жизнь и творчество китайского поэта // Тезисы докладов Симпозиума по теоретическим проблемам восточных литератур (11—16 октября 1966 года). — М.: ГРВЛ, 1966. — С. 134—135.

О Тао Юань-мине.

111. Перо безжалостное и горькое // Иностранная литература. — 1966. — № 11. — С. 270—271.

Рецензия на пер.: *Лао Шэ*. «Последняя монета» (М.: Наука, 1965). О рассказах китайского писателя. «Лао Шэ — писатель, которого не спугаешь ни с кем. Его юмор оригинален... Он внешне добродушен..., но он и правдив, и бескомпромиссен, он сражает на смерть» (из рец.).

1967

112. Заметки о переводе иероглифической поэзии на русский язык // Народы Азии и Африки. — 1967. — № 1. — С. 109—117. См. то же: Перевод иероглифической поэзии // Актуальные проблемы теории художественного перевода. — Т. II. — М.: Наука, 1967. — С. 215—228.

Размышления об особенностях перевода на русский язык произведений китайской словесности. Перевод — совмещение исконной мысли оригинала с выразительными возможностями родной литературы. Индивидуальность переводчика — перевоплощенная личность актёра. Своеобразие традиционной китайской поэзии: предметность, отсутствие заумы, наличие тонких намеков и реминисценций.

113. Тао Юань-мин и его стихотворения. — М.: ГРВЛ, 1967. — 494 с.

Содержание: «Поэт» (с. 7—136): «Время и поэзия», «Страна поэта», «Посмертная хвала отстранившемуся от службы учёному Тао». Жизнеописание поэта», «Источник жизнеописаний — сочинения поэта», «Поэт

и герой в творчестве и жизнеописаниях», «Первые критики — Чжун Жун и Сяо Тун», «Имя. Год рождения», «До “возвращения”», «Причины “возвращения”», «“Домой, к себе”. Идеал “возвращения” и реальность “бедной хижинки”», «Цзыжань — естественность. Тема жизни и смерти», «Тело, тень и душа», «Нравственность и бедность», «Мир поэта», «Судьба поэзии», «О китайской поэзии в русских переложениях». — «Стихотворения» (с. 149—461): «В пятый месяц года гэнцзы на пути из столицы домой задержан ветром в Гуйлине», «Еду-еду, плыву...», «С самых древних времён...», «В седьмой месяц года синьчоу, возвращаясь после отпуска в Цзянлин, ночью проезжаю Тукоу», «В год гуймао ранней весной размышляю о древнем в моём деревенском доме», «Написал в двенадцатый месяц года гуймао, дарю двоюродному брату Цзинюаню», «Наставляю сына», «Укоряю сыновей», «Печалюсь о моём двоюродном брате Чжун-дэ», «Вторю стихам чжубу Го», «В ответ на стихи чайсанского Лю», «Возвратился к садам и полям» («С самой юности чужды...», «Здесь, в глуши деревенской...», «Вот бобы посадил я...», «С давних пор так бывало...», «Никого. И в печали...»), «Птица, прилетевшая обратно», «Стихи о разном» («В мире жизнь человека...», «К ночи бледное солнце...», «Краски цветенья...», «Мыслью доблестный муж...», «Вспоминаю себя...», «Я, бываю, услышав...», «Солнце с луною...», «Вместо пахоты службой...», «Далеко от семьи...», «Я, пока не служил...», «Я в скитаньях моих...», «Послушная ветру...»), «За вином» («Предисловие», «Тлен и цветенье...», «Добрых дел избылье...», «Скоро тысячелетье...», «Всюду мечется—бьётся...», «Я поставил свой дом...», «В поступках людских...», «Хризантемы осенней...», «Зелёной сосною...», «Забрезжило утро...», «В те минувшие годы...», «Мы учёного Яня...», «Когда-то Чан-гун...», «Вот бывают же люди...», «Старинным друзьям...», «В убогом жилище...», «Я в юности ранней...», «Орхидея простая...», «Учёный Цзыюнь...», «Когда-то давно...», «Фуся и Шэнь-нун...»), «Довольно вина!», «Подражание древнему» («Так цвела буйным цветом...», «Я прощаюсь с родными...», «К середине весны...», «Высоко—высоко...», «Далеко на востоке...», «С хвоей тёмно-зелёной...», «День уже вечереет...», «В годы юности ранней...», «Посадил я однажды...»), «Читая “Шаньхайцзин” — Книгу Гор и Морей», «Воспеваю бедных учёных», «Воспеваю Цзин Кэ», «Поминальная песня» («Если в мире есть жизнь...», «Прежде было ли так...», «Всё кругом, всё кругом...»), «Персиковый источник» («В годы Тайюань правленья дома Цзинь...», «Вот что было при Ине...»). — «К читателю» (с. 460—461). — «Указатели» (с. 465—490): «Китайские слова и выражения», «Упоминаемые в книге произведения на китайском и японском языках», «Летописи жизни Тао Юань-мина», «Книги о Тао Юань-мине».

114. Ли Бо // Краткая литературная энциклопедия / глав. ред. А.А. Сурков. — Т. IV (Лакшин — Мураново). — М.: Советская энциклопедия, 1967. — Стлб. 180—181.

115. Повести «хуабэнь» // Иностранная литература. — 1967. — № 8. — С. 259—261.

Рец. на пер.: «Проделки праздного дракона» (М.: Художественная литература, 1966). Переводам «суждена долгая жизнь. Но долгая жизнь потребует переиздания, для которого придирки рецензента никогда не бесполезны» (из рец.).

1968

116. Мэн Хао-жань // Краткая литературная энциклопедия / глав. ред. А.А. Сурков. — Т. V (Мурари — Припев). — М.: Советская энциклопедия, 1968. — Стлб. 43—44.

117. Ред.: Сухоруков В.Т. Вэнь И-до. Жизнь и творчество. — М.: Наука, 1968. — 147 с.

1969

118. Китай Лу Синя // Вопросы литературы. — 1969. — № 4. — С. 161—181.

О своеобразии художественного отражения китайского общества начала XX века в прозе Лу Синя.

119. «Подражание древнему» — обличение современного в старой китайской поэзии // Жанры и стили литератур Китая и Кореи: сборник статей. — М.: Наука, ГРВЛ, 1969. — С. 31—38.

О цикле из девяти стихотворений Тао Юань-мина. Китайские «Подражания древнему» не похожи на аналогичные произведения в европейской литературе. Это не стилизация под старину, а импровизированный диалог с прошлым для понимания настоящего.

120. Роман Мао Дуня // Иностранная литература. — 1969. — № 9. — С. 266—268.

Рец. на пер.: Мао Дунь. «Распад» (М.: Художественная литература, 1968). «Хотя роман “Распад” появляется на русском языке через двадцать семь лет после первого его издания в Китае, он интересен и полезен и сейчас как документ (ибо содержание его исторически достоверно) и как произведение художественной литературы» (из рец.).

121. Когда поэт переводит... (Восток Анны Ахматовой) // Иностранная литература. — 1969. — № 12. — С. 210—217.

Восточная лирика в переводах А.А. Ахматовой. Связь переводов с собственным творческим наследием поэтессы. «Ахматова однажды сказала мне, что трудиться начала только тогда, когда стала переводить.

“А собственные стихи?” — “Что вы, — улынулась она, — это не работа, а удовольствие”» (из статьи).

122. Вступительное слово // Теоретические проблемы восточных литератур: сборник статей (Материалы I симпозиума по теоретическим проблемам восточных литератур). — М.: Наука, ГРВЛ, 1969. — С. 4—6.

О задачах мирового востоковедения. Проблемы и пути их решения. Новая методология.

123. Жизнь и творчество китайского поэта // Теоретические проблемы восточных литератур: сборник статей (Материалы I симпозиума по теоретическим проблемам восточных литератур). — М.: Наука, ГРВЛ, 1969. — С. 368—374.

Тао Юань-мин. Жизнеописание поэта, зафиксированное в различных древнекитайских источниках. Механизмы создания канонического образа. Традиционная китайская биография в сравнении с западноевропейскими и русскими образцами (Рабле, Маркабрюн, Рюдель, Денис Давыдов).

124. Ред.: «Дождливая аллея». Китайская лирика 20—30 годов: сборник стихов / предисл. и пер. с кит. Л. Черкасского. — М.: Наука, 1969. — 199 с.

125. Ред.: *Лисевич И.С.* Древняя китайская поэзия и народная песня (Юэфу конца III в. до н.э. — начала III в. н.э.). — М.: Наука, ГРВЛ, 1969. — 287 с.

126. Ред.: Цзацзуань. Изречения китайских писателей IX—XIX веков / пер., предисл. и примеч. И.Э. Циперович. — М.: Наука, ГРВЛ, 1969. — 100 с.

127. Ред.: Слово о живописи из Сада с горчичное зерно / пер. с кит., предисл. и коммент. Е.В. Завадской. — М.: Наука, ГРВЛ, 1969. — 518 с.

1970

128. От составителя // *Пу Сун-лин.* Лисьи чары. Рассказы Ляо Чжая о чудесах / пер. с кит. В.М. Алексеева. — М.: Художественная литература, 1970. — С. 5—8.

129. Танская поэзия (очерк) // Литература народов Востока: сборник статей. — М.: Наука, ГРВЛ, 1970. — С. 130—175.

Исторический и социальный контекст формирования танской поэзии. Поэт как личность в эпоху Тан. Лирическая поэзия — главный род танской литературы. Тао Юань-мин как первая осязаемая индивидуальность в китайском искусстве слова. Биография Тао Юань-мина, «внутренний мир» его

поэзии. Обзор лирических систем танского периода: творчество Ли Бо, Ду Фу, Мэн Хао-жэня, Ду Му. Сыкун Ту как поэт, логически завершивший эпоху. Характеристика литературного письма Сыкун Ту (отсутствие предметности, туманность, погружение в индивидуальные переживания).

130. Идеи и факты (Несколько вопросов по поводу идеи китайского Возрождения) // Иностранная литература. — 1970. — № 8. — С. 214—228.

В основу статьи положен доклад, прочитанный автором 03.02.1970 года в Ленинграде на IV научной конференции «Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока». Размышление о правомерности употребления термина «Возрождение» в отношении китайской литературы. Важность опоры на конкретные факты при формулировании обобщающей идеи.

1971

131. Учёный, педагог, литератор (к 90-летию со дня рождения академика В.М. Алексеева) // Литературная газета, 13.I.1971.

132. Поборник правды // Литературная газета, 14.IX.1971.

О Лу Сине, его роли в новой китайской литературе.

133. К 90-летию выхода в свет первого очерка истории китайской литературы // Страны и народы Востока / под общей ред. чл.-корр. АН СССР Д.А. Ольдерагге. — Вып. XI: Страны и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Азии. — М.: Наука, ГРВЛ, 1971. — С. 302—315.

О вышедшем в 1880 году «Очерке истории китайской литературы» Василия Павловича Васильева, видного русского синолога XIX века.

134. *Лу Синь*. Повести. Рассказы / пер. с кит.; примеч. Н.Т. Федоренко и В.В. Петрова. — М.: Художественная литература, 1971. — 571 с.

Из содержания: Л.З. Эйдлин. «О сюжетной прозе Лу Синя» (с. 5—30). — Переводы: «Маленькое происшествие» (с. 78—79), «Осенняя ночь» (с. 292—293), «Нищие» (с. 295—296), «Бумажный змей» (с. 302—304), «Возражение собаки» (с. 312), «Суждение» (с. 317—318).

1972

135. Тао Юань-мин / вступл. и пер. с кит. Л.З. Эйдлина // Иностранная литература. — 1972. — № 1. — С. 209—217.

Переводы: «Отвечаю Цаньцзюню Пану», «Вторю стихам Чжубу Го», «В год Цзию девятым день девятого месяца», «Вторю стихам чайсанского Лю», «Переселяюсь», «Воспеваю бедных учёных».

136. Мысль и слово // Иностранная литература. — 1972. — № 2. — С. 189—193.

О проблемах литературного перевода. Специфика восточного текста. Выбор между точностью и благозвучием. Поиск «середины».

137. Печаль поэта // Иностранная литература. — 1972. — № 6. — С. 266—268.

Рец. на пер.: «Строфы из гранёной яшмы: стихи» (М.: Художественная литература, 1970).

138. *Бо Цзюй-и.* Из лирики // Азия и Африка сегодня. — 1972. — № 11.

Переводы для «Библиотечки журнала “Азия и Африка сегодня”», вып. 6 (12), листы 1—15 (между с. 28 и 29): «Я остановился на ночь в деревне на северном склоне горы Цзыгэ», «Скорблю о смерти поэта Тан Цюя», «Спрашиваю у друга», «Я шил себе тёплый халат», «Луна на чужбине», «Я впервые на тайханской дороге», «Мой вздох при взгляде на гору Сун и реку Ло», «Объяснение к стихам», «Песни и пляски», «Покупаем цветы», «Ночью в лодке», «Ранняя весна», «Персиковые цветы в храме Далинь», «Посвящаю печальному страннику», «Во дворе прохладной ночью», «В старом доме», «Ночь холодной пищи».

139. Тао Юань-мин // Краткая литературная энциклопедия / глав. ред. А.А. Сурков. — Т. VII (Советская Украина — Фиалки). — М.: Советская энциклопедия, 1972. — Стлб. 230—231.

140. О Василии Михайловиче Алексееве // Литература и культура Китая: сборник статей к 90-летию со дня рождения академика Василия Михайловича Алексеева. — М.: ГРВЛ, 1972. — С. 9—12.

Академик В.М. Алексеев как выдающийся отечественный синолог.

141. Заметки к докладу Л.Н. Меньшикова и Л.К. Павловской «Справочные пособия как показатель этапов развития китайской литературы» // Литература и культура Китая: сборник статей к 90-летию со дня рождения академика Василия Михайловича Алексеева. — М.: ГРВЛ, 1972. — С. 282—291.

Несколько уточнений о жанре справочного пособия и его роли в советских китаеведческих исследованиях.

142. *Тао Юань-мин*. Лирика / пер. с кит., сост., вступ. статья и примеч. Л.З. Эйдлина. — М.: Художественная литература, 1972. — 238 с.

Содержание: Л.З. Эйдлин. «Тао Юань-мин» (с. 5—28). — «Написанное к событиям времени» (с. 29—42). — «Обращение к родным» (с. 45—58). — «Обращение к друзьям» (с. 59—74). — «Возвратился к садам и полям», «Птица, прилетевшая обратно» (с. 75—89). — «Стихи о разном» (с. 91—115). — «За вином» (с. 117—156). — «Подражание древнему» (с. 157—176). — «Стихотворения разных лет» (с. 177—188). — «Воспеваю бедных учёных», «Воспеваю Цзин Кэ» (с. 189—199). — «Поминальная песня» (с. 201—208). — «Персиковый источник» (с. 209—216). — «Примечания» (с. 217—233): соответствует изд. 1964 года.

1973

143. Об отражении общественного сознания в литературе средневекового Китая // Проблемы Дальнего Востока. — 1973. — № 3 (7). — С. 162—171. — С. 302—315.

Анализ развития китайской литературы в средневековую эпоху. Преемственность, относительная стабильность, разумное восприятие чужих влияний — основные черты культурной системы Китая. Роль конфуцианского учения в традиционной китайской жизни. Связь конфуцианства с буддизмом и даосизмом. Аскетическое движение, его специфика в средневековом Китае. Литература как источник сведений о китайском обществе. Необходимость преодоления идей, согласно которым китайская словесность поддается описанию в терминах развития других литератур.

144. Василий Михайлович Алексеев и его Ляо Чжай // *Пу Сун-лин*. Рассказы Ляо Чжая о чудесах. — М.: Художественная литература, 1973. — С. 3—9.

145. О научных трудах Николая Трофимовича Федоренко // Изучение китайской литературы в СССР: сборник статей к 60-летию члена-корреспондента АН СССР Н.Т. Федоренко. — М.: Наука, ГРВЛ, 1973. — С. 5—10.

Вклад Н.Т. Федоренко в отечественную и мировую синологию. Обзор основных научных трудов. Специфические черты методологической программы учёного. Воспоминания. «Институт востоковедения был превосходным учебным заведением, дававшим довольно широкое общее образование и хорошее знание языка и изучаемой страны. Автор этих строк учился вместе с Н.Т. Федоренко на китайском отделении института и с 1937 года в аспирантуре у академика В.М. Алексеева, сразу же определившего недостатки нашей подготовки и вдохновившего нас на изучение полного университетского курса китайской культуры» (из статьи).

146. К истории развития китайской литературы в III—XIII веках // Изучение китайской литературы в СССР: сборник статей к 60-летию члена-корреспондента АН СССР Н.Т. Федоренко. — М.: Наука, ГРВЛ, 1973. — С. 349—382.

Обзор произведений китайской словесности, написанных в III—XIII веках. Константы китайского литературного мышления. Связь с традициями древности. Роль конфуцианского учения. Отшельничество как форма внутреннего (социального по своей природе) протеста. «Большое» и «малое» отшельничества. Тема дружбы и любви. Поэзия и проза этого периода: общая характеристика.

1974

147. За чтением «Шедевров китайской прозы» в переводах В.М. Алексева // Дневная звезда. Восточный альманах. — 1974. — Вып. II. — С. 481—493.

В.М. Алексеев как переводчик китайской прозы. Характеристика представленных в переводе шедевров и их места в литературном наследии Китая.

148. Польский синолог об истоках китайской драмы // Проблемы Дальнего Востока. — 1974. — № 4. — С. 183—186.

Рец. на кн.: *Жбиковский Т.* Ранние пьесы нанси южносунского периода (Варшава, 1974, на англ. яз.).

1975

149. Несколько замечаний к статье академика В.М. Алексева // Проблемы Дальнего Востока. — 1975. — № 1. — С. 164—167.

В.М. Алексеев о традициях китайской историографии. Конфуцианская традиция в объяснении исторического факта, её анализ.

150. К переводам с китайского, подражаниям и фантазиям С.П. Боброва // Искры пламени. Восточный альманах. — 1975. — Вып. III. — С. 551—553.

В.М. Алексеев и С.П. Бобров. Переложение С.П. Бобровым поэмы Сыкун Ту по переводу В.М. Алексева. Фрагменты писем В.М. Алексева С.П. Боброву (от 5.V.1932 и 17.XII.1940).

151. Нгуен Динь Тхи / пер. с вьетн. и вступл. Л.З. Эйдлина // Иностранная литература. — 1975. — № 9. — С. 49—53.

Перевод шести стихотворений вьетнамского поэта Нгуен Динь Тхи, выполненный Л.З. Эйдлиным и И. Зимониной: «Горная дорога», «Помню», «Мать», «Осенним вечером думаю о Хо Ши Мине», «Куда?», «Река прозрачная и зелёная».

152. Тао Юань-мин (краткие сведения о жизни и творчестве) // Основные произведения иностранной художественной литературы. Литература стран зарубежного Востока. — М.: ГРВЛ, 1975. — С. 286—287.

153. Китайская классическая поэзия в переводах Льва Эйдлина / вступ. статья и примеч. Л.З. Эйдлина. — М.: Художественная литература, 1975. — 352 с.

Содержание: «От переводчика» (с. 5—12). — «Девятнадцать древних стихотворений» (с. 15—43): «В пути и в пути...», «Зелена, зелена на речном берегу трава...», «Вечно зелен, растёт кипарис на вершине горы...», «Такой уж сегодня хороший праздничный пир...», «На северо-западе высится дом большой...», «Вброд идя через реку...», «Сияньем луны всё ночью озарено...», «Гнётся, гнётся под ветром...», «У нас во дворе чудесное дерево есть...», «Далеко, далеко в выси неба...», «Я назад повернул и погнал лошадей...», «Та стена на востоке...», «Я погнал колесницу из Восточных Верхних ворот...», «Всё то, что ушло...», «Человеческий век не вмещает и ста годов...», «Холодный, холодный уже вечереет день...», «С приходом зимы наступила пора холодов...», «Однажды к нам гость из далёких прибыл краёв...», «Ясный месяц на небе...». — *Тао Юань-мин* (с. 47—160): «В год гуймао ранней весной размышляю о древнем в моём деревенском доме», «Написал в двенадцатый месяц года гуймао, дарю двоюродному брату Цзин-Юаню», «В год цзию, девятый день девятого месяца», «Наставляю сына», «Укоряю сыновей», «Печалюсь о моём двоюродном брате Чжун-дэ», «Вторю стихам Чжубу Го», «Теплотой и влагой три весенние срока славны...», «Вторю часам чайсанского Лю», «В ответ на стихи чайсанского Лю», «Отвечаю Цаньцзюню Пану», «Возвратился к садам и полям», «Здесь, в глуши деревенской...», «Вот бобы посадил я...», «С давних пор так бывало...», «Никого. И в печали я иду...», «В мире жизнь человека не имеет глубоких корней...», «К ночи бледное солнце...», «Краски цветенья нам трудно надолго сбереечь...», «“Мыслью доблестный муж устремлён за четыре моря”...», «Вспоминаю себя полным сил в молодые годы...», «Я, бывало услышав, поученья старших годами...», «Солнце с луною никак не хотят медлить...», «Вместо пахоты службой содержать я себя не думал...», «Послушная ветру сосна на высоком обрыве...», «Тлен и цветенье не знают привычных мест...», «Добрых дел изобилье...», «Скоро тысячелетье, как заброшен путь правды, дао...», «Всюду мечется—бьётся потерявшая стаю птица...», «Я поставил свой дом...», «В поступках людских...», «Хризантемы осенней нет нежнее и нет прекрасней!...», «Забрезжило утро, — я слышу стучатся в дверь...», «В те минувшие годы...», «Вот бывают же люди...», «Старинным друзьям...», «В убогом жилище...», «Я в юности ранней...», «Учёный Цзы-юнь пристрастье имел к вину...», «Я прощаюсь с родными...»,

«Высоко—высоко...», «Далеко на востоке...», «С хвоей тёмно-зелёной...», «День уже вечерет...», «В годы юности ранней...», «Посадил я однажды у Янцзы на побережье туты...», «И прежде хотел я...», «Весною и осенью много погожих дней...», «Гуляя с друзьями под кипарисами могил семьи Чжоу...», «Читая “Шаньхайцзин” — книгу гор и морей», «Во вселенной всё сущее...», «Как пронзителен холод...», «Учёный Чжун-вэй любил свой нищенский дом...», «Воспеваю Цзин Кэ», «Если в мире есть жизнь...», «Прежде было ли так...», «Всё кругом, всё кругом...», «Персиковый источник». — *Мэн Хао-Жань* (с. 163—176): «Осенью поднимаюсь на Ланьшань. Псылаю Чжану Пятому», «Летом в Южной беседке думаю о Сине Старшем», «Провожу ночь в горной келье учителя Е. Жду дина. Он не приходит», «Ночью возвращаюсь в Лумэнь», «В ранние холода на реке мои чувства», «На прощанье с Ван Вэем», «Пишу на стене кельи учителя И», «В деревне у друга», «К вечеру года возвращаюсь га гору Наньшань», «На горе Сишань навещаю Синь Э», «Весеннее утро», «Ночую на реке Цзяньдэ». — *Бо Цзюй-и* (с. 179—292): «Я смотрю, как убирают пшеницу», «Я остановился на ночь в деревне на северном склоне горы Цзыгэ», «Спрашиваю у друга», «Собираю траву дихуан», «В жестокую стужу в деревне», «Я сшил себе тёплый халат», «Навещаю старое жилище почтенного Тао», «Луна на чужбине», «Я впервые на тайханской дороге», «Мой вздох при взгляде на гору Сун и реку Ло», «Песни и пляски», «Покупаем цветы», «Старик со сломанной рукой (Против “подвигов на границах”», «Дулинский старик (Страдания крестьянина)», «Поздней осенью», «Весна в Чаньани», «Ночью в лодке», «Приглашаю буддийского монаха, живущего в горах», «Ранняя весна», «Персиковые цветы в хаме Далинь», «Цинь», «После восстания проезжаю мимо Люгоуского храма», «Ночной дождь», «Посвящаю печальному страннику», «На дороге за старой заставой», «Во дворе прохладной ночью», «Красный тэновый посох», «Ранней осенью ночью один», «Днём лежу в постели», «Ночь холодной пищи», «В первый раз сосланный на низшую должность, проезжаю Ванциньлин», «Ночью слушая чжэн», «Ива у цинских ворот», «Смотрюсь в зеркало», «Ропот», «Читая Лао-цзы», «Чувства мои на Шаншаньской дороге», «Обратная лодка», «На стене почтовой станции Ланьцяо я увидел стихи Юаня Девятого», «Горечь разлуки», «В беседке на запад от пруда», «За Сюэ Тая скорблю о смерти его жены», «На озере», «В деревне ночью», «В храме Иай», «Озеро к востоку от бамбукового холма», «В храме Ганьхуа я увидел стену, на которой написали свои имена Юань Девятый и Лю Тридцатый Вторый», «Навещаю Чжэна, удалившегося от дел», «Получил от дворцового чиновника Цяня письмо, в котором он осведомляется о моей болезни глаз», «Сосна», «На смерть Юаня», «Провожая начальника отделения Лу, отправляющегося в Хэдун в управление господина начальника Пэя», «В первый день осени поднимаюсь в парк Лэйююань», «В зимний день возвращаюсь домой по Пинцзоаньской дороге», «Слушая цикад», «Проезжая через древний Лоян», «Ичжоу», «У меня побывал Сяо — наставник наследника государя», «Весна в Лояне», «С досадой думаю о прошлом годе», «Проезжий, оставленный в холодной станции», «Снежной ночью в деревне», «Навещаю весну», «Благодарю Чао за присланное мне платье», «Один стою на Западной башне»,

«Под горой расstaюсь с проводившим меня буддийским монахом», «Больной, получил я письмо от Фаня», «Из стихов “К вину”», «Ивовый пух», «Два четверостишия, приписанные мною к собранию сочинений покойного Юань Цзун-цзяня», «В дальнем зале дворцового книгохранилища», «Я в первый раз пришёл в Сяншаньюань перед восходом луны», «Я увидел Лю Юй-си в первый раз после разлуки», «На Цюйцзяне», «Возвращаюсь вечером в Восточный город», «Гуляю в Чжаоцунь среди абрикосовых цветов», «Мне жаль цветов», «Вечная печаль», «Певица (Пипа). Стихи и предисловие к ним». — [Из разных поэтов]. «Шицзин» (с. 295—298): «Из “Песен царства Тан”», «Из “Песен царства Цинь”». — *Цюй Юань* (с. 299—305): «Плачу по столице Ину», «Смерть за Родину». — *Юй Синь* (с. 306): «Снова расstaюсь с сановником Шаншу Чжоу». — *Хэ Чжи-Чжан* (с. 307): «При возвращении домой». — *Ли Бо* (с. 308): «Ван Луню». — *Ду Фу* (с. 309): «Обман в словах о радостях весенних...». — *Гао Ши* (с. 310): «Провожая Дуна Старшего». — *Чжан Цзи* (с. 311): «Ночую в доме рыбака». — *Лю Юй-си* (с. 312): «Осенний ветер». — *Ли Шэнь* (с. 313): «Печалюсь о крестьянине». — *Синь Ци-ци* (с. 314): «Помню, в юные годы, когда не знал...». — «Примечания» (с. 315—342).

154. «Храбрые и справедливые» в истории китайской прозы // Иностранная литература. — 1975. — № 12. — С. 260—262.

Рец. на пер.: *Ши Юйкунь*. «Трое храбрых, пятеро справедливых» (М.: Художественная литература, 1974).

155. Ред.: Цзацзуань. Изречения китайских писателей IX—XIX веков / пер., предисл. и примеч. И.Э. Циперович. — 2-ое изд. — М.: Наука, ГРВЛ, 1975. — 136 с.

1976

156. Вьетнамская поэзия X—XIV веков / пер. с вьетн. (ханвана) Л.З. Эйдлина // Иностранная литература. — 1976. — № 9. — С. 192—203.

Переводы тринадцати поэтов эпохи расцвета вьетнамской лирики. *Ван Хань*: «Наставление ученику»; из Ли Тхьонг Кieta: «Горы и реки Южной Страны». — *Зьонг Кхонг Ло*: «О сокровенном», «Досуг рыбака». — *Дай Са*: «Каменный конь». — *Минь Чи*: «Ищем звука». — *Чан Куанг Кхай*: «С государем возвращаемся в столицу». — *Чан Нянь Тонг*: «На озере Донгтхиен», «Луна». — *Нгуен Чунг Нган*: «С посольством в Китай переправляюсь через реку Ло», «Вершина Возвращающихся Гусей», «Ночью причалил в Цзиньлине», «Думаю о Цзя И», «К случаю», «Храм в пустынном месте весенним днем», «Домой». — *Чан Нгуен Дан*: «Не засну». — *Чан Фу*: «Смотрю вверх на пагоду Лиениен в Донгшоне». — *Ле Кань Туан*: «Сочинил на станции Монгли», «В первый день нового года», «В день нового года на речной станции». — *Нгуен Фи Кхань*:

«Почтенному Фаму из Донгтхиеу», «Пишу на храме Тиензу — храме Прогулок Бессмертных». — *Та Тхиен Хуан*: «К случаю».

1977

157. К теме Востока // Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока / отв. ред. Л.З. Эйдлин. — М.: Наука, ГРВЛ, 1977. — С. 3—14.

Об актуальных проблемах отечественного и зарубежного китаеведения. Отсутствие единого Востока. Восток как многообразие культур. Роль В.М. Алексеева в становлении советской научной китаистики. Проблемы литературного перевода с китайского. Непереводаемость как фикция. Национальный писатель, выражающий общечеловеческое содержание. Поиски сходств и отличий в компаративных исследованиях. Наука и перевод.

158. Времена года: из китайской классической поэзии / пер. и вступ. Л.З. Эйдлина // Иностранная литература. — 1977. — № 10. — С. 193—205.

Переводы: *Мэн Хао-жань*: «Начало осени», «Мои чувства в последнюю ночь года». — *Лю Цзун-юань*: «Ранняя весна в Линлине». — *Лю Юй-си*: «Скорблю о Потоке Глупца», «Провожая весну», «Осень». — *Бо Цзюй-и*: «Брожу в ущелье у Шимэньцзянь — Потока Каменных Ворот», «После прощанья с поэтом Юань Чжэнем мои чувства», «Осенней ночью», «Провожая весну», «Иду ночью под редким дождём», «Ночной снег», «В осенний дождь дарю Юань Чжэню», «В храме Хуаянгуань во время цветения персика. Приглашаю Ли Шестого выпить вина», «Вторю стихам друга о весенних чувствах в Лояне», «Гуляю в храме Юньцзюй — Обители Облаков. Му Тридцать Шестому — хозяину этих мест», «Снова по служебным делам приехал на станцию Локоу», «Проходя по улице Тяньмэньцзе», «В Ханьдане в ночь зимнего солнцестояния тоскую по дому», «Ранняя весна на Южном озере», «В опьянении перед красной листвой», «Третий день третьего месяца», «Осенняя прогулка».

159. Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. — М.: Художественная литература, 1977. — 927 с.

Из содержания: *Л.З. Эйдлин*. «Китайская классическая поэзия» (с. 193—203). Переводы: *Тао Юань-мин* (с. 212—227): «Укоряю сыновей», «Вторю стихам Чжубу Го» («Густо-густо разросся лес перед самой дверью дома...», «Теплотою и влагой три весенние срока славны...»), «В ответ на стихи Чайсанского Лю», «Отвечаю цаньцзюню Пану», «Возвратился к садам и полям» («С самой юности чужды мне созвучия шумного мира...», «Здесь, в глуши деревенской...», «С давних пор так бывало...», «Никого. И в печали я иду, опираясь на палку...»), «Стихи о разном» («В мире жизнь человека не имеет глубоких корней...», «К ночи бледное солнце в вершинах западных тонет...», «Краски цветенья нам трудно надолго сберечь...», «Солнце с луною...», «Послушная ветру сосна на

высоком обрыве...»), «За вином» («Я поставил свой дом в самой гуще людских жилищ...»), «Хризантемы осенней нет нежнее и нет прекрасней!..», «Забрезжило утро, — я слышу, стучатся в дверь...»), «Вот бывают же люди...»), «В убогом жилище прилежных рук не хватает...»), «Подражание древнему» («Далеко на востоке живёт благородный учёный...»), «С хвоей тёмно-зелёной...»), «Посадил я однажды у Янцзы на побережье туты...»), «Переселяюсь» («И прежде хотел я жить в этой Южной деревне...»), «Весною и осенью много погожих дней...»), «Гуляя с друзьями под кипарисами могил семьи Чжоу», «Читая “Шаньхайцзин” — Книгу Гор и Морей», «Воспеваю бедных учёных» («Во вселенной всё сущее обретает свою опору...»), «Как пронзителен холод, когда близится вечер года...»), «Учёный Чжун-вэй любил свой нищенский дом...»), «Поминальная песня» («Если в мире есть жизнь...»), «Прежде было ли так...»), «Всё кругом, всё кругом заросло сплошно травой...»), «Персиковый источник». — *Юй Синь* (с. 236): «Снова расстаюсь с сановником Шаншу Чжоу». — *Хэ Чжи-чжан* (с. 240): «При возвращении домой». — *Мэн Хао-жань* (с. 242—247): «Провожу ночь в горной келье учителя Е. Жду Дина. Он не приходит», «Осенью поднимаюсь на Ланьшань. Посылаю Чжану Пятому», «Летом, в Южной беседке думаю о Сине Страшем», «Ночью возвращаюсь в Лумэнь», «На горе Сишань навещаю Синь Э», «Пишу на стене кельи учителя И», «Ночую в Тунлу на реке. Посылаю друзьям в Гуанли», «Мои чувства в последнюю ночь года», «Ночью переправляюсь через реку Сян», «На прощанье с Ван Вэем», «В ранние холода на реке мои чувства», «К вечеру года возвращаюсь на гору Наньшань», «Возвращаюсь из даосского храма Цзинсыгуань, а Ван Бай-юнь — следом за мной», «Весеннее утро», «Вану Девятому», «Ночую на реке Цзяньдэ», «Провожая Чжу Страшего, уезжающего в Цинь», «Начало осени», «Провожая друга, направляющегося в столицу», «Переправляюсь через реку, спрашиваю у лодочника», «Приходил в обитель праведного Жуна». — *Гао Ши* (с. 277): «Провожая Дуна Старшего». — *Мэн Цзяо* (с. 289): «Путник». — *Чжан Ци* (с. 291): «Ночую в доме рыбака». — *Бо Цзюй-и* (с. 300—318): «Я остановился на ночь в деревне на северном склоне горы Цзыгэ», «Спрашиваю у друга», «В жестокую стужу в деревне», «Я сшил себе тёплый халат», «Навигаю старое жилище почтенного Тао», «Луна на чужбине», «Мой вздох при взгляде на гору Сун и реку Ло», «После того, как впервые расстался с Юанем Девятым, вдруг увидел его во сне, а когда проснулся, получил от него письмо вместе со стихотворением о цветах туна. Растроганный и взволнованный, посылаю ему эти стихи», «Из “Циньских напевов”» («Песни и пляски»), «Из “Новых народных песен”» («Дулинский старик (Страдания крестьянина)»), «Вечная печаль», «Приглашаю буддийского монаха, живущего в горах», «Ранняя весна», «Персиковые цветы в храме Далинь», «Цинь», «Посвящаю печальному страннику», «На дороге за старой заставой», «Красный тэновый посох», «Ранней осенью ночью один», «Ночь холодной пищи», «Ночью слушая чжэн», «Смотрю в зеркало», «Горечь разлуки», «На озере», «В деревне ночью», «Навигаю Чжэна, удалившегося от дел», «Получил от дворцового чиновника Цяня письмо, в котором он осведомляется о моей болезни глаз», «Провожая начальника отделения Лу, отправляющегося в Хэдун в управление господина

начальника Пэя», «Слушая цикад», «У меня побывал Сяо — наставник наследника государя», «Весна в Лояне», «С досадой думаю о прошлом годе», «Снежной ночью в деревне», «Возвращаюсь вечером в восточный город», «Гуляю в Чжаоцунь среди абрикосовых цветов», «Мне жаль цветов». — *Ли Юй-си* (с. 318—320): «Провожая весну», «Осенний ветер», «Осень», «Скорблю о Потоке Глупца». — *Ли Шэнь* (с. 325): «Печалюсь о крестьянине». — *Дай Са* (с. 504): «Каменный конь». — *Минь Чи* (с. 504): «Ищем отзвука». — *Чан Фу* (с. 514): «Смотрю вверх на пагоду Лиеу-ниен в Донг-шоне».

1978

160. История китайской литературы в трудах академика В.М. Алексеева // Алексеев В.М. Китайская литература: избранные труды / отв. ред. Н.Т. Федоренко, сост. М.В. Баньковская. — М.: Наука, ГРВЛ, 1978. — С. 6—28.

Об основных направлениях синологических исследований В.М. Алексеева. Мир конфуцианских идей, его влияние на традиционную культуру Китая. Проблема перевода китайской художественной литературы на русский язык. Значение работ В.М. Алексеева для мировой китаистики.

161. *Бо Цзюй-и*. Лирика / пер. с кит., вступ. статья и примеч. Л.З. Эйдлина. — М.: Художественная литература, 1978. — 303 с.

Содержание: *Л.З. Эйдлин*. «Бо Цзюй-и» (с. 3—30). — «Из “Циньских напевов”» (с. 30—38): соответствует изд. 1949 года. — «Из “Новых народных напевов”» (с. 39—50): соответствует изд. 1949 года. — «Четверостишия» (с. 51—198): соответствует изд. 1949 года; добавлены новые пер.: «Осенней ночью», «Иду ночью под редким дождём», «Ночной снег», «В осенний дождь дарю Юаню Девятому», «В храме Хуангуань во время цветения персика. Приглашаю Ли Шестого выпить вина», «Втрою стихам друга о весенних чувствах в Лояне», «Расстаюсь с Взем, правителем Сучжоу», «Ночью в доме Янов», «Гуляю в храме Юньцзюй — Обители Облаков. Му Тридцать Шестому, хозяину этих мест», «Снова по служебным делам приехал на станцию Локоу», «Проходя по улице Тяньмэньцзе», «В Ханьдане в ночь зимнего солнцестояния тоскую по дому», «Красный попугай», «Довольно лекарств!», «На Цзяньчанцзяне», «Спрашиваю у Лю Девятнадцатого», «В опьянении перед красной листвой», «Третий день третьего месяца», «Столичные пути», «Осенняя прогулка», «Ночью пишу в храме Юйцюань», «Храм на горе Линьянь». — «Разные стихотворения» (с. 199—258): соответствует изд. 1965 года; добавлены новые пер.: «Написал при расставании о траве на древней равнине», «Брожу в ущелье у Шимэньцзянь — Потока Каменных Ворот», «Мои чувства после прощания с Юанем Девятым», «После того, как впервые расстался с Юанем Девятым, вдруг увидел его во сне, а когда проснулся, получил от него письмо со стихотворением о цветах туна. Расстроганный и взволнованный, посылаю эти стихи», «Посетив Сяньян, думаю о Мэн Хао-

жане», «Чжучэньцунь — деревня “Чжу и Чэнь”», «Провожая весну», «Сосны во дворе», «Вместе с Ханем гуляем на озере семьи Чжэнов, поём стихи, пьём вино», «Холодная ночь на женской половине», «Ночью в доме над рекой читаю стихи юаня Девятого», «Дарю жене», «Ранняя весна на южном озере», «Могила Ли Бо». — «Вечная печаль» (с. 260—270). — «Певица (Пипа). Стихи и предисловие к ним» (с. 271—280). — «Примечания» (с. 281—295).

1979

162. От редактора // Из китайской лирики VIII—XIV веков (Ван Вэй, Су Ши, Гуань Хань-цин, Гао Ци) / пер с кит., сост., послесл. и коммент. И.С. Смирнова; отв. ред. Л.З. Эйдлин. — М.: ГРВЛ, 1979. — С. 5—9.

Об истории перевода китайской классической поэзии на русский язык. Роль В.М. Алексеева в формировании нового переводческого подхода. Задачи лирического сборника. О переводчиках.

163. Ред.: Литературы стран Дальнего Востока: сборник статей. — М.: Наука, ГРВЛ, 1979. — 192 с.

164. Ред.: *Лисевич И.С.* Литературная мысль Китая на рубеже древности и средних веков. — М.: Наука, ГРВЛ, 1979. — 264 с.

165. Ред.: *Сорокин В.Ф.* Китайская классическая драма XIII—XIV веков: генезис, структура, образы, сюжеты. — М.: Наука, ГРВЛ, 1979. — 334 с.

1980

166. [Без названия] // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. — 1980. — Т. 32. — № 2. — С. 181—183.

Рец. на кн.: *Федоренко Н.Т.* Древние памятники китайской литературы (М.: Наука, 1978). Характеристика содержания и структуры авторской монографии.

167. Читая старых поэтов... // Иностранная литература. — 1980. — № 8. — С. 202—208.

О поэзии как форме выражения человеческих чувств. Китайская лирика в тематическом разнообразии и идейных аспектах. Русская литература и китайская словесность: общее и специфическое. Творчество К.Н. Батюшкова и китайская образная система. «В продолжающихся занятиях китайской классической поэзией я снова пришёл к Батюшкову, чтение стихов которого естественно переплелось у меня с восприятием старых китайских поэтов. Я не удивляюсь этому обстоятельству и даже думаю, что переведённый на

китайский язык Батюшков окажется доступен пониманию и восхищению китайца, начитанного в родном ему литературном наследии» (из статьи).

1981

168. Чему учиться у Алексеева // Вестник АН СССР. — 1981. — № 8. — С. 129—136. См. то же: Чему учиться у Алексеева // Традиционная культура Китая: сборник статей к 100-летию со дня рождения академика Василия Михайловича Алексеева. — М.: ГРВЛ, 1983. — С. 5—13.

О жизни и научном творчестве выдающегося отечественного китаевода. Его богатая переводческая практика, неотделимая от конкретных исследований. Демократизм характера и выработанные нравственные правила. «Он был Дон Кихотом в облике Санчо Пансы» (из статьи).

169. В пути: из китайской поэзии / пер. с кит. и коммент. Л.З. Эйдлина // Иностранная литература. — 1981. — № 10. — С. 166—175.

Переводы древнекитайских стихотворений, объединенных образом дороги и примыкающих к нему литературных тем: дружбы, встреч, расставаний, весенней грусти и осенней тоски. *Тао Юань-мин*: «Впервые исполняя должность советника полководца-чжэньцзюня, написал при проезде через Цюй», «В третий месяц года исы в должности советника полководца-цзяньвэя посланный в столицу проезжаю через Цяьси». — *Чжан Сюй*: «Плыву в лодке по Цинси — Чистой Реке», «Персиковый поток», «В горах не отпускаю гостя», «Весенняя прогулка. В ожидании дождя», «Весенняя трава», «Ива». — *Мэн Хаожань*: «Поднялся на Ваньсуйлоу — Башню Вечных Лет», «На пути в столицу застигнут снегом». — *Ван Вань*: «Доезжаю до подножия горы Бэйгушань». — *Ван Чанлинь*: «Из “Пограничных напевов”». — *Гао Ши*: «Написал в канун Нового года». — *Цэнь Шэнь*: «В лодке на юге Ба», «На западе, проезжая Вэйчжоу, увидел реку Вэй и подумал о Циньчуани», «Осенние думы», «Весною в доме в горах», «Встретил чиновника, едущего с поручением в столицу», «Написал в пустыне», «напившись вина, проводил учителя Пэя». — *Ду Му*: «К дороге».

170. «Великая культурная революция» и китайская литература // Иностранная литература. — 1981. — № 11. — С. 97—101.

«Культурная революция» в Китае: причины и последствия. Судьба китайских писателей в этот период национальной истории. Обзор литературных произведений, вышедших в свет после смерти Мао Цзэ-дуна и затрагивающих проблемы «культурной революции». Реализм как творческий метод в Китае конца 1970 — начала 1980 годов.

171. *Лу Синь*. Избранные произведения / пер. с кит.; сост. С. Хохловой, вступ. статья Л.З. Эйдлина, коммент. В.В. Петрова. — М.: Художественная литература, 1981. — 422 с.

Из содержания: *Л.З. Эйдлин*. «Лу Синь (1881—1936)» (с. 3—28). — Переводы: из сб. «Ключ» («Маленькое происшествие» — с. 64—66), из сб. «Дикие травы» («Осенняя ночь» — с. 232—234, «Нищие» — с. 235—236, «Бумажный змей» — с. 242—244, «Возражение собаки» — с. 253, «Суждение» — с. 258—259).

1982

172. Исследования китайской классической литературы в Советском Союзе (1971—1981) // Народы Азии и Африки. — 1982. — № 5. — С. 168—174.

Обзор советских синологических работ в период с 1971 по 1981 годы. Констатация достижений и проблем. Описание новых перспектив, связанных с необходимостью сохранения великого наследия в русских переводах. «Работа на китайской классикой требует строгой филологической подготовки... готовящиеся нами исследования... должны быть не случайностью увлечения учёного, а плановой закономерностью» (из статьи).

173. Алексеев и наука о Востоке // Алексеев В.М. Наука о Востоке / отв. ред. Н.Т. Федоренко, сост. М.В. Баньковская. — М.: Наука, ГРВЛ, 1982. — С. 443—455.

О вкладе В.М. Алексеева в науку о Востоке. Переводы китайской литературы на русский язык. Нет достоверного перевода без знания всех сторон китайской культуры.

1983

174. Николай Трофимович Федоренко: к 60-летию со дня рождения // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. — 1983. — № 1. — С. 89—91.

Юбилейная статья о видном советском Китаеведе и общественном деятеле, главном редакторе журнала «Иностранная литература».

175. Поэзия Ай Цина и её перевод // Иностранная литература. — 1983. — № 2. — С. 186—190.

О современном автору китайском поэте. Разбор кн. русских переводов Ай Цина («Избранная лирика» / пер. Ю.А. Сорокина. — М.: Молодая гвардия, 1981). «Перевод поэзии труден. Он требует знаний и внимания. Перевод дальневосточной иероглифической поэзии особенно труден» (из рец.).

176. Несколько замечаний по поводу статьи В.М. Алексеева «О гуманитарном преподавании китайского языка» // Традиционная культура Китая: сборник статей к 100-летию со дня рождения академика Василия Михайловича Алексеева. — М.: ГРВЛ, 1983. — С. 174—175.

Общие пояснения к статье В.М. Алексеева. Быть китаеведом — значит, брать на себя не только научные, но и моральные обязательства. Невозможность ограничиваться в синологических исследованиях лишь «историей вопроса». Прямое обращение к первоисточникам, требующее хорошего знания китайского языка.

177. Из китайской классической поэзии / пер. с кит. и коммент. Л.З. Эйдлина // Иностранная литература. — 1983. — № 11. — С. 156—165.

Переводы китайской поэзии периода танской династии. Одна из ее тем — печаль о неизбежном уходе человека из жизни. *Лу Чжаолин*: «Провожая Второго старшего брата, уезжающего в Шу». — *Ло Биньвань*: «Провожая на реке Ишуй». — *Ян Цзюнь*: «В походе». — *Ван Бо*: «Провожая Ду, уезжающего в Шучжоу на должность шаофу — помощника правителя уезда». — *Бо Цзюй-и*: «За ужином отвечаю Вэйчжи», «Слушаю певицу, запевшую стихи Вэйчжи», «Потерял журавля», «Пишу в восточной беседке Ли Одиннадцатого», «Праздник Холодной пищи в пути», «Ночь в лодке. Жене», «В Тушанском храме гуляю в одиночестве», «Ранней весной поднимаюсь на Тяньгунгэ — Башню Небесного Дворца», «Ночую в северной беседке», «В запретном государевом дворце», «Мой маленький домик», «Ван Чжаоцзюнь», «Спрашиваю себя», «На озере».

1984

178. Ред.: *Дагданов Г.Б.* Чань-буддизм в творчестве Ван Вэя. — Новосибирск: Наука, 1984. — 135 с.

1985

179. Человек в китайской классической поэзии / пер. с кит., вступл. и коммент. Л.З. Эйдлина // Иностранная литература. — 1985. — № 10. — С. 171—183.

Переводы танской поэзии. *Чжан Юэ*: «Опаздываю. На Шуской дороге». — *Чжан Цзюлин*: «Отвечаю Лу Ли». — *Гао Ши*: «Инчжоуская песня». — *Чан Цзюнь*: «Написано в монастыре за храмом Пошаньсь». — *Цзнь Шэнь*: «Весенний сон». — *Мэн Юньцин*: «Праздник “холодной пищи”». — *Лю Чанцин*: «В снег ночью у хозяина дома на горе Фужуншань», «Радуюсь приходу сановника-шиюя Хуанфу в мой загородный дом у Бицзянь — Лазеревого ручья», «Провожая судью Ли в Жуньчжоуский походный лагерь», «К северу от Мулинской заставы встретил человека, возвращавшегося в

Юйян». — *Чжан Цзи*: «Ночью причалил в Фэнцяо — Мосту у кленов». — *Чжан Вэй*: «Ранние цветы мэйхуа». — *Лан Шиюань*: «В уезде Чжоучжи в доме Чжэн И провожаю Цяня Старшего». — *Вэй Инъуй*: «Услышал гусей», «В Чаньбани повстречал Фэн Чжу», «Осенней ночью посылаю сановнику Цю Двадцать второму», «Посылаю Ли Даню (Ли Юаньси)», «Глядя на крестьянина...». — *Цзяожань*: «Придя к Лу Хунцзяню, не застаю его дома». — *Лу Лунь*: «Горная гостиница», «Встреча с заболевшим воином». — *Люй Вэнь*: «При стук вальков». — *Бо Цзюй-и*: «Мне жаль пионов», «До чего же разумен Лэтянь».

1986

180. Поэты Китая и Вьетнама в переводах Л.З. Эйдлина. — М.: Наука, ГРВЛ, 1986. — 175 с.

Переводы: «От переводчика» (с. 3—6). — «Простая жизнь» (с. 9—15). — *Тао Юань-мин* (с. 16—32): «Отвечаю Цаньцзюню Пану», «Переселяюсь», «Вторю стихам чайсанского Лю», «В ответ на стихи чайсанского Лю», «Вторю стихам Чжубу Го», «В год цзюю, девятый день девятого месяца», «Во вселенной всё сущее...», «Учёный Чжун-вэй любил свой нищенский дом...». — «Времена года» (с. 35—38). — *Мэн Хаожань* (с. 39—40): «Начало осени», «Мои чувства в последнюю ночь года». — *Лю Цхунъюань* (с. 41): «Ранняя весна в Линлине». — *Лю Юйси* (с. 42—45): «Скорблю о Потоке Глульца», «Провожая весну», «Осень». — *Бо Цзюй-и* (с. 46—66): «Брожу в ущелье у Шимэньцзянь — Потока Каменных Ворот», «После прощания с поэтом Юань Чжэнем. Мои чувства», «Осенней ночью», «Провожая весну», «Иду ночью под редким дождём», «Ночной снег», «В осенний дождь дарю Юань Чжэню», «В храме Хуаянгуань во время цветения персика приглашаю Ли Шестого выпить вина», «Вторю стихам друга о весенних чувствах в Лояне», «Гуляю в храме Юньцзюй — обители облаков. Му Тридцать Шестому — хозяину этих мест», «Снова по служебным делам приехал на станцию Локоу», «Проходя по улице Тяньмэньцзе», «В Ханьдане в ночь зимнего солнцестояния тоскую по дому», «Ранняя весна на южном озере», «В опьянении перед красной листвой», «Третий день третьего месяца», «Осенняя прогулка», «Чувствую осень». — «В пути» (с. 69—72). — *Чжан Сюй* (с. 73—78): «Плыву в лодке по Цинси — Чистой реке», «Персиковый поток», «В горах не отпускаю гостя», «Весенняя прогулка. В ожидании дождя», «Весенняя трава», «Ива». — *Мэн Хаожань* (с. 79—81): «Поднялся на Ваньсуйлоу — башню Вечных Лет», «На пути в столицу застигнут снегом». — *Ван Вань* (с. 84): «Доезжаю до подножия горы Бэйгушань». — *Ван Чанлин* (с. 85): «Из “Пограничных напевов”». — *Гао Ши* (с. 86): «Написал в канун Нового года». — *Цэнь Шэнь* (с. 89—96): «В лодке на юге Ба», «На западе, проезжая Вэйчжоу, увидел реку Вэй и подумал о Циньчуани», «Осенние думы», «Весною в доме в горах», «Встретил чиновника, едущего с поручением в столицу», «Написал в пустыне», «Напившись вина, проводил учителя Пэя». — *Ду Му* (с. 97—98): «К дороге». — «Печаль и успокоение

поэта» (с. 101). — *Ван Бо* (с. 102—103): «Провожая Ду, уезжающего в Шучжоу на должность шаофу — помощника правителя уезда». — *Ян Цзюнь* (с. 104—105): «В походе». — *Ло Биньван* (с. 106): «Провожая на реке Ишуй». — *Лу Чжаолинь* (с. 107): «Провожая второго старшего брата, уезжающего в Шу». — *Бо Цзюй-и* (с. 108—132): «За ужином отвечаю Вэйчжи», «Слушаю певицу, запевшую стихи Вэйчжи», «Потерял журавля», «Пишу в восточной беседке Ли Одиннадцатого», «Праздник Холодной пищи в пути», «Ночь в лодке. Жене», «В Тушаньском храме гуляю в одиночестве», «Ранней весной поднимаюсь на Тяньгунгэ — Башню Небесного Дворца», «Ночую в северной беседке», «В запретном государевом дворце», «Мой маленький домик», «Ван Чжаоцзюнь», «Спрашиваю себя», «На озере», «Оставаясь дома, пребываю в монастыре», «Осенью пятого года после болезни в одиночестве провожу ночь в Сяншаньском храме». — «Вьетнамские поэты» (с. 133). — *Данг Тхай Май*. «О поэтах и переводчике» (с. 135—137). — *Ван Хань* (с. 138): «Наставление ученику». — *Ли Тхыонг Киет* (с. 139): «Горы и реки Южной Страны». — *Зыонг Кхонг Ло* (с. 140): «О сокровенном», «Досуг рыбака». — *Дай Са* (с. 142): «Каменный конь». — *Минь Чи* (с. 143): «Ищем отзвука». — *Чан Куанг Кхай* (с. 144): «С государем возвращаемся в столицу». — *Чан Нян Тонг* (с. 145—146): «На озере Донгтхиен», «Луна». — *Нгуен Чунг Нган* (с. 147—153): «С посольством в Китай переправляюсь через реку Ло», «Вершина возвращающихся гусей», «Ночью причалил в Цзиньлине», «Думаю о Цзя И», «К случаю», «Храм в пустынном месте весенним днём», «Домой». — *Чан Нгуен Дан* (с. 154): «Не засну». — *Чан Фу* (с. 155): «Смотрю вверх на пагоду Лиеуниен в Донгшоне». — *Ле Кань Туан* (с. 156—158): «Сочинил на станции Монгли», «В первый день Нового года», «В день Нового года на речной станции». — *Нгуен Фи Кхань* (с. 159—160): «Почтенному Фаму из Донгтхиену», «Пишу на храме Тиензу — храме Прогулок Бессмертных». — *Та Тхиен Хуан* (с. 161): «К случаю». — «От переводчика» (с. 162—170).

1989

181. *Лу Синь*. Избранное / пер. с кит; вступ. статья Л. Эйдлина, коммент. В. Петрова. — М.: Художественная литература, 1989. — 511 с.

Из содержания: *Л.З. Эйдлин*. «О сюжетной прозе Лу Синя» (с. 5—34). — Переводы: из сб. «Клич» («Маленькое происшествие» — с. 83—85), из сб. «Дикие травы» («Осенняя ночь» — с. 311—313, «Нищие» — с. 314—315, «Бумажный змей» — с. 321—323, «Возражение собаки» — с. 332—333, «Суждение» — с. 338—339).

182. Ред.: Яшмовые ступени. Из китайской поэзии эпохи Мин / пер. с кит. и предисл. И.С. Смирнова. — М.: Наука, ГРВЛ, 1989. — 351 с.

183. Тао Юаньмин. «Я сошёл с колесницы...» / илл. Е. Добровинского, пер. с кит. Л.З. Эйдлина. — М.: Книга, 1991.

Альбом с иллюстрациями. *Е.В. Маевский*. «О поэте». — *И. Чернович*. «О художнике». Переводы: «Зелёной сосною приметен восточный сад...», «В те минувшие годы побывал я в странствии дальнем...», «В убогом жилище прилежных рук не хватает...», «Всё кругом, всё кругом заросло сплошной травой...», «Я поставил свой дом в самой гуще людских жилищ...».

184. Сухой тростник: поэзия эпохи Тан (VII—X вв.) в переводах Л.З. Эйдлина. — СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. — 256 с.

Содержание: *И.С. Смирнов*. «От составителя» (с. 5—6). — *Л.З. Эйдлин*. «О поэтах и поэзии» (с. 7—14). — *Ван Бо* (с. 15—17): «Провожая Ду, уезжающего в Шучжоу на должность шаофу — помощника правителя уезда». — *Ян Цзюнь* (с. 18—20): «В походе». — *Ло Бинь-ван* (с. 21—22): «Провожая на реке Ишуй». — *Лу Чжао-инь* (с. 23—24): «Провожая второго старшего брата, уезжающего в Шу». — *Хэ Чжи-чжан* (с. 25—26): «При возвращении домой». — *Чжан Юэ* (с. 27—28). «Опаздываю по Шуской дороге». — *Чжан Цзю-лин* (с. 29—30). «Отвечаю Лу Ли». — *Мэн Хао-жань* (с. 31—57): «Провожу ночь в горной келье учителя Е. Жду Дина. Он не приходит», «Осенью поднимаюсь на Ланьшань. Посылаю Чжану пятому», «Летом в южной беседке думаю о Сине Старшем», «Ночью возвращаюсь в Лумэнь», «На горе Сишань навещаю Синь Э», «К вечеру года возвращаюсь на гору Наньшань», «На прощанье с Ван Вэем», «Пищу на стене кельи учителя И», «Возвращаюсь из даосского храма Цзинсычуань. А Ван Бай-юнь — следом за мной», «Вану Девятому», «Переправляюсь через реку, спрашиваю у лодочника», «Ночую в Тунлу на реке. Посылаю друзьям в Гуанлин», «Ночью переправляюсь через реку Сян», «На пути в столицу застигнут снегом», «В деревне у друга», «В ранние холода на реке. Мои чувства», «Мои чувства в последнюю ночь года», «Ночую на реке Цзяньдэ», «Весеннее утро», «Провожая друга, направляющегося в столицу», «Начало осени», «Приходил в обитель праведного Жуна», «Провожая Ду Четырнадцатого, уезжающего в Цзяннань». — *Ван Вань* (с. 58—59): «Доезжаю до подножия горы Бэйгушань». — *Ван Чан-лин* (с. 60—61): «Из “Пограничных напевов”». — *Гао Ши* (с. 62—64): «Провожая Дуна Старшего. Написал в канун Нового года». — *Ли Бо* (с. 65—66): «Ван Луню». — *Лю Чан-цин* (с. 67—71): «В снег ночую у хозяина дома на горе Фужуншань», «Радуюсь приходу сановника-шиюя Хуанфу в мой загородный дом у Бицзянь — Лазоревого ручья», «Провожая судью Ли в Жуньжоуский походный лагерь», «К северу от Мулинской заставы встретил человека, возвращающегося в Юйян». — *Ду Фу* (с. 72—73): «Обман в словах о радостях весенних...». — *Чжан Сюй* (с. 74—80):

«Плыву в лодке по Цинси — Чистой реке», «Персиковый поток», «В горах не отпускаю гостя», «Весенняя прогулка. В ожидании дождя», «Весенняя трава», «Ива». — *Цэнь Шэнь* (с. 81—88): «В лодке на юге Ба», «На западе, проезжая Вэйчжоу, увидел реку Вэй и подумал о Циньчуани», «Осенние думы», «Весною в доме в горах», «Встретил чиновника, едушего с поручением в столицу», «Написал в пустыне», «Напившись вина, проводил учителя Пэя». — *Лю Юй-си* (с. 89—95): «Провожая весну», «Осенний ветер», «Осень», «Скорблю о потоке глупца». — *Вэй Ин-у* (с. 96—102): «Услышал гусей», «В Чаньани повстречал Фэн Чжу», «Осенней ночью посылаю сановнику Цю Двадцать Второму», «Посылаю Ли Даню (Ли Юаньси)», «Глядя на крестьянина». — *Ли Шэнь* (с. 103—104): «Печалюсь о крестьянине». — *Мэн Цзяо* (с. 105—106): «Путник». — *Чжан Ци* (с. 107—108): «Ночую в доме рыбака». — *Бо Цзюй-и* (с. 109—236): «Во дворе прохладной ночью», «Ранней осенью ночью один», «Снежной ночью в деревне», «Зову восточного соседа», «На дорогу за старой заставой», «Смотрюсь в зеркало», «Ночной дождь», «Осенней ночью», «Иду ночью под редким дождем», «Ночной снег», «В храме Хуаянгуань во время цветения персика приглашаю Ли Шестого выпить вина», «Вторю стихам друга о весенних чувствах в Лояне», «Расстаюсь с Взем, правителем Сучжоу», «Ночую в доме Янов», «Гуляю в храме Юньцзюй — обители облаков. Му Тридцать Шестому, хозяину этих мест», «Снова по служебным делам приехал на станцию Локоу», «Проходя на улице Тяньмэньцзе», «После восстания проезжаю мимо Люгоуского храма», «В Ханьдане в ночь зимнего солнцестояния тоскую по дому», «Поздней осенью», «За Сюэ Тая скорблю о смерти его жены», «Ночь Холодной пищи», «Осенние цикады», «Стихи, давно написанные мною на стене станции Локоу», «Вспоминаю Юаня Девятого», «Подношу старшему брату. Стихи эти написал я, когда жил в Гуймине», «Жене», «В храме Ганьхуа я увидел стену, на которой написали свои имена Юань Девятый и Лю Тридцать Второй», «Больной, получил я письмо от Фаня», «Днём лежу в постели», «В деревне ночью», «Слушая цикад», «Получил от дворцового чиновника Цяня письмо, в котором он осведомляется о моей болезни глаз», «Ранняя весна», «Сосна», «В дождь со стихами Юаня Девятого навещаю Юаня Восьмого», «На стене почтовой станции Ланьцяо я увидел стихи Юаня Девятого», «Красный попугай», «Довольно лекарств!», «Красный тэновый посох», «В лодке читаю стихи Юаня Девятого», «Услышав игру на чжэне девушки Цюя Седьмого», «Навигаю Чжэна, удалившегося от дел», «Взбираюсь на вершину Сяллу», «Персиковые цветы в храме Далинь», «Озеро к востоку от Бамбукового холма», «На Цзяньчанцзяне», «В храм Цай», «Спрашиваю у Лю Девятнадцатого», «В опьянении перед красной листвой», «Посвящаю печальному страннику», «Лotosовое озеро в Лунганском храме», «Третий день третьего месяца», «Покупаю цветы», «Чувства мои на Шаншаньской дороге», «Радость мирной жизни», «Ропот», «Весна в Чаньани», «На холме “Долгая радость”, провожая уходящих, написал я эти печальные знаки», «Парк Чанчжоу», «Вспоминаю иву на реке», «Расстаёмся на Южном заливе», «В женской половине дворца», «В первый день осени поднимаюсь в парк Лэйююань», «В старом доме», «Посылаю чиновнику Вану после чтения

его стихов», «Старая ива к западу от Циньчжэнлоу», «Расставанье у ивы», «Ива у цинских ворот», «На вечерней реке», «Тоскливо в холодной спальне», «Песня “Рву лотосы”», «Ночью слушаю чжэн», «У горного ручья готовлю чай. Мои чувства», «В храме Цзисян увидел подпись Цяня», «Цинь», «На берегу пруда», «За вином я снова задерживаю Мэн-дэ», «Брожу один», «Пью ночью на озере», «Провожу ночь в бамбуковом домике», «Ивовый пух», «Обратная лодка», «Спрашиваю Дунлиньского учителя Юаня», «В беседке на запад от пруда», «Навещаю Хуанфу Седьмого», «В дальнем зале дворцового книгохранилища», «На Цюйцзяне», «Ичжоу», «Столичные пути», «Встретились со старым другом», «Весной», «Южная беседка в доме Янов», «Зимней ночью слушаю цикад», «Слушаю песню певицы Тянь Шунь-эр», «Из стихов “К вину”», «У меня бывал Сяо — наставник наследника государя», «Отвечаю Юйчи на вопрос о том, в чём нуждаюсь», «Осенняя прогулка», «Весна в Лояне», «С досадой думаю о прошлом годе», «Дамба Вэйского князя», «Ночью в лодке», «Ранняя смерть и старость», «Вспоминаю Хуэй-шу», «На смерть Юаня, поминальная песня», «Обращение к Цзе-чжи», «Пробуя молодое вино, вспоминаю Хуэй-шу», «Читая Лао-цзы», «В зимний день возвращаюсь домой по Пинцюаньской дороге», «На озере», «Навещаю весну», «Я огорчён весенним ветром», «Посылаю два четверостишия Ли Двадцатому», «Провожая начальника отделения Лу, отправляющегося в Хэйдун, в управление господина начальника Пэя», «Благодарю за присланное мне платье», «Возвращаюсь вечером в восточный город», «Один стою на западной башне». — *Лю Цзунюань* (с. 237—239): «Ранняя весна в Линлине», «Въезжая в Хуанци, слушаю обезьян». — *Чжан Вэй* (с. 240—241): «Ранние цветы мэйхуа». — *Лан Шиюань* (с. 242—244): «В уезде Чжоучжи в доме Чжэн И провожаю Цяня Старшего». — *Цзяо-жань* (с. 245—248): «Придя к Лу Хун-Цзяню на застаю его дома», «Сосна». — *Ду Му* (с. 249—250). «К дороге».

2000

185. Осенняя хризантема: стихотворения Тао Юань-мина(IV—V вв.) в переводах Л.З. Эйдлина. — СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. — 224 с.

Содержание: *И.С. Смирнов*. «От составителя» (с. 5). — *Л.З. Эйдлин*. «Тао Юань-мин» (с. 6—26). — *Тао Юань-мин* (с. 27—221): «В пятый месяц года Гэн-цзы на пути из столицы домой задержан ветром в Гуйлине», «С самых древних времён мы вздыхаем о посланных в путь...», «В седьмой месяц года Синь-чоу, возвращаясь домой после отпуска в Цзянлин, ночью проезжаю Тукоу», «В год гуй-мао ранней весной размышляю о древнем в моём деревенском доме», «Написал в двенадцатый месяц года гуй-мао, дарю двоюродному брату Цзинюаню», «В год цзи-ю, девятый день девятого месяца», «Наставляю сына», «Укоряю сыновей», «Печалюсь о моём двоюродном брате Чжун-дэ», «Вторю стихам Чжубу Го», «Теплотою и влагой три весенние срока славны...», «Вторю часам чайсанского Лю», «В ответ на стихи чайсанского Лю», «Отвечаю

Цаньцзюню Пану», «Возвратился к садам и полям», «Здесь, в глуши деревенской...», «Вот бобы посадил я...», «С давних пор так бывало...», «Никого. И в печали я иду...», «Птица, прилетевшая обратно», «В мире жизнь человека не имеет глубоких корней...», «К ночи бледное солнце...», «Краски цветенья нам трудно надолго сберечь...», «“Мыслью доблестный муж устремлён за четыре моря”...», «Вспоминаю себя полным сил в молодые годы...», «Я, бывало услышав, поученья старших годами...», «Солнце с луною никак не хотят медлить...», «Вместо пахоты службой содержать я себя не думал...», «Далеко от семьи я в скитаньях по службе опять...», «Я, пока не служил, буйство помыслов дерзких смирял...», «Я в скитаньях моих не сказать чтоб ушёл далеко...», «Послушная ветру сосна на высоком обрыве...», «Тлен и цветенья не знают привычных мест...», «Добрых дел изобилье...», «Скоро тысячелетье, как заброшен путь правды, дао...», «Всюду мечется—бьётся потерявшая стаю птица...», «Я поставил свой дом...», «В поступках людских...», «Хризантемы осенней нет нежнее и нет прекрасней!», «Зелёной сосною приметен восточный сад...», «Забрезжило утро, — я слышу стучатся в дверь...», «В те минувшие годы...», «Мы учёного Яня за любовь его к людям помним...», «Когда-то Чан-гун чиновником видным был...», «Вот бывают же люди...», «Старинным друзьям...», «В убогом жилище...», «Я в юности ранней...», «Орхидея простая родилась перед входом в дом...», «Учёный Цзы-юнь пристрастие имел к вину...», «Когда-то давно от голода я страдал...», «Фу-си и Шэнь-нун отступили от нас в века...», «Так цвела буйным цветом под окном в саду орхидея...», «Я прощаюсь с родными, запрягаю лошадь с утра...», «К середине весны в благовремение дождь мы встречаем...», «Высоко—высоко...», «Далеко на востоке...», «С хвоей тёмно-зелёной...», «День уже вечереет...», «В годы юности ранней...», «Посадил я однажды у Янцзы на побережье туты...», «И прежде хотел я...», «Весною и осенью много погожих дней...», «Довольна вина!», «Читая “Шаньхайцзин” — Книгу Гор и Морей», «Прошу подаянья», «Во вселенной всё сущее...», «Как пронзителен холод...», «Учёный Чжун-вэй любил свой нищенский дом...», «Воспеваю Цзин Кэ», «Если в мире есть жизнь...», «Прежде было ли так...», «Всё кругом, всё кругом...», «Персиковый источник». — [Комментарии после каждого стихотворения].

II. О нём и его работах

1950

1. Александров В. Стихотворения Бо Цзюй-и // Новый мир. — 1950. — № 5. — С. 241—243.

Рец. на пер. Л.З. Эйдлина: *Бо Цзюй-и. «Четверостишия»* (М.: ГИХЛ, 1949). «Переводчик свободен от “любованья экзотикой”...; не впадает он и в филологическую сухость; не осовременивает поэта, — живость и непосредственность впечатления вырастают из самого переводимого текста» (из рец.).

2. *Алексеев В.М.* Бо Цзюй-и. Четверостишия. Перевод с китайского Л. Эйдлина. // Советская книга. — 1950. — № 5. — С. 101—105.

Рец. на пер. Л.З. Эйдлина: *Бо Цзюй-и.* «Четверостишия» (М.: ГИХЛ, 1949). «Указав на достоинства книги Л. Эйдлина и на ее недостатки, мы отчетливо видим, что первые доминируют, а, следовательно, книга удалась» (из рец.).

3. *Терский Ф.* // Литературная газета, 24.VI.1950.

Рец. на пер. Л.З. Эйдлина: *Бо Цзюй-и.* «Четверостишия» (М.: Гослитиздат, 1949).

1951

4. *Федоренко Н.Т.* [Без названия] // Чжун-су юхао (Дружба Китая и СССР). — Пекин. — 1951. — № 1.

Рец. на пер. Л.З. Эйдлина: *Бо Цзюй-и.* «Четверостишия» (М.: Гослитиздат, 1949).

1952

5. *Овчинников В.* Классик китайской поэзии // Литературная газета, 21.VII.1952.

Рец. на пер. Л.З. Эйдлина: *Бо Цзюй-и.* «Четверостишия» (М.: Гослитиздат, 1951).

1957

6. *Петров В.В.* Книга о современной китайской литературе // Новый мир. — 1957. — № 7. — С. 255—257.

Рец. на кн. Л.З. Эйдлина «О китайской литературе наших дней» (М.: Советский писатель, 1955). «Книга написана живо, доступно, без наукообразных штампов, которыми так часто грешат литературоведческие работы» (из рец.).

7. *Кривоцов В.* О китайской литературе наших дней // Иностранная литература. — 1957. — № 12. — С. 225—227.

Рец. на кн. Л.З. Эйдлина «О китайской литературе наших дней» (М.: Советский писатель, 1955). Положительный отзыв о книге.

1963

8. *Семанов В.И.* В. Сорокин, Л. Эйдлин. Китайская литература. Краткий очерк. // Народы Азии и Африки. — 1963. — № 2. — С. 199—203.

Рец. на кн. В.Ф. Сорокина и Л.З. Эйдлина «Китайская литература (краткий очерк)» (М.: ИВЛ, 1962). Наибольший интерес рецензента вызвали параллели между образами и жанрами китайской и европейской литературами.

1965

9. *Липкин С.И.* Тао Юань-мин. Лирика // Новый мир. — 1965. — № 4. — С. 284—285.

Рец. на пер. Л.З. Эйдлина: *Тао Юань-мин.* «Лирика» (М.: Художественная литература, 1964). Переводы отличаются живой интонацией и точностью.

10. *Турков А.* Отшельник, ушедший к людям // Иностранная литература. — 1965. — № 6. — С. 258—259.

Рец. на пер. Л.З. Эйдлина: *Тао Юань-мин.* «Лирика» (М.: Художественная литература, 1964). О художественной системе китайского поэта.

1968

11. *Петров В.В.* Л. Эйдлин. Тао Юань-мин и его стихотворения // Народы Азии и Африки. — 1968. — № 3. — С. 173—175.

Рец. на кн. Л.З. Эйдлина «Тао Юань-мин и его стихотворения» (М.: ГРВЛ, 1967). Тао Юань-мин в российской синологии. Разбор новых переводов. «Они очень точны. Чувствуется бережное отношение переводчика к каждой строке оригинала... Это не просто талантливое исследование... Это еще и новое прочтение великого китайского поэта» (из рец.).

12. *Черкасский Л.* Поэзия Тао Юань-мина // Вопросы литературы. — 1968. — № 5. — С. 219—222.

Рец. на кн. Л.З. Эйдлина «Тао Юань-мин и его стихотворения» (М.: ГРВЛ, 1967). Анализ структуры, содержания и авторского стиля.

13. *Рифтин Б.* Путешествие в страну китайской поэзии // Новый мир. — 1968. — № 7. — С. 260—262.

Рец. на кн. Л.З. Эйдлина «Тао Юань-мин и его стихотворения» (М.: ГРВЛ, 1967). Монография «доносит до русского читателя целый мир старинной

китайской поэзии... Книга удивительно точна, в ней трудно найти ошибку или недочёт... Это книга нюансов и мыслей» (из рец.).

1970

14. *Федоренко Н.Т.* Призвание китаиста // Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока: сборник статей к 60-летию доктора филологических наук профессора Л.З. Эйдлина. — М.: Наука, ГРВЛ, 1970. — С. 3—10.

Вехи жизненного пути. Л.З. Эйдлин как учёный и мастер поэтического перевода. Бо Цзюй-и в переводах Л.З. Эйдлина. Тао Юань-мин в интерпретации Л.З. Эйдлина. Обзор опубликованных статей исследователя и изложение его концепции развития китайской литературы от древности до наших дней. Л.З. Эйдлин как ученик В.М. Алексеева. Л.З. Эйдлин как редактор многочисленных монографий и антологий.

15. Список основных трудов доктора филологических наук профессора Л.З. Эйдлина (К шестидесятилетию со дня рождения) // Народы Азии и Африки. — 1970. — № 1. — С. 216—219.

1973

16. *Самарин Р.* Встреча с Тао Юань-мином // Литературная газета, 19.IX.1973.

Рец. на пер. Л.З. Эйдлина: *Тао Юань-мин. «Стихотворения»* (М.: Художественная литература, 1972).

17. *Воскресенский Д.* Поэзия мудрой простоты // Азия и Африка сегодня. — 1973. — № 10. — С. 64.

Рец. на пер. Л.З. Эйдлина: *Тао Юань-мин. «Стихотворения»* (М.: Художественная литература, 1972).

1974

18. *Федоренко Н.Т.* Новая книга о Тао Юань-мине и его поэзии // Федоренко Н.Т. Проблемы исследования китайской литературы / под ред. Б.Л. Рифтина. — М.: Художественная литература, 1974. — С. 421—428.

Рец. на кн. Л.З. Эйдлина «Тао Юань-мин и его стихотворения» (М.: ГРВЛ, 1967). «Отмечая достигнутое в монографии Л.З. Эйдлина, посвятившего многие годы всестороннему изучению поэтического искусства Тао Юань-мина, невозможно не испытать чувства огромного удовлетворения по поводу развития нашей отечественной синологии» (из рец.).

19. *Серебряков Е.А.* Тао Юань-мин в новом издании // Проблемы Дальнего Востока. — 1974. — № 2. — С. 244—247.

Рец. на пер. Л.З. Эйдлина: *Тао Юань-мин.* «Стихотворения» (М.: Художественная литература, 1972). Появление русского перевода Тао Юань-мина оценивается как значительное событие советского китаеведения. Анализ переводческих результатов. Сравнение русского перевода с английским (многочисленные примеры с подробным комментарием).

20. *Лисевич И.С.* «Человек на все времена...» // Иностранная литература. — 1974. — № 3. — С. 263—265.

Рец. на пер. Л.З. Эйдлина: *Тао Юань-мин.* «Стихотворения» (М.: Художественная литература, 1972). «... в силах переводчика оказалось оживить потухшие от времени краски — стихи Тао снова волнуют читателя, будят в нём мысль и чувство... Есть ли большая награда для человека, который посвятил свою жизнь китайской поэзии?!» (из рец.).

1977

21. *Милибанд С.Д.* Эйдлин Лев Залманович // Биобиблиографический словарь советских востоковедов. — М.: ГРВЛ, 1977. — С. 624—625.

1985

22. Лев Залманович Эйдлин (некролог) // Литературная газета, 06.XI.1985.

1986

23. Памяти Льва Залмановича Эйдлина. Список основных научных трудов Л.З. Эйдлина (сост. С.Д. Милибанд) // Народы Азии и Африки. — 1986. — № 2. — С. 215—217.

1991

24. *Баньковская М.В.* «Бледнолицый брат мой в синологии...» // Проблемы Дальнего Востока. — 1991. — № 1. — С. 182—193. См. то же: *Баньковская М.В.* «Бледнолицый брат мой в синологии...» // *Баньковская М.В.* Василий Михайлович Алексеев и Китай: книга об отце. — М.: «Восточная литература» РАН, 2010. — С. 404—421.

О взаимоотношениях В.М. Алексеева и Л.З. Эйдлина, учителя и ученика. «“Бледнолицый брат мой в синологии...” — так с шутливой сердечностью

назвал Л.З. Эйдлина его учитель академик В.М. Алексеев в письме к нему» (из статьи).

2000

25. *Баньковская М.В.* Л.З. Эйдлин в судьбе В.М. Алексеева // Восток (Oriens). — 2000. — № 6. — С. 201—207.

Л.З. Эйдлин как пропагандист научного наследия В.М. Алексеева. О переписке двух учёных. «Читая переписку, покоряешься самой их тональности — той интеллигентности, которой проникнуты даже чисто деловые сообщения» (из статьи).

26. *Федоренко Н.Т.* Незабываемый Л.З. Эйдлин // Восток (Oriens). — 2000. — № 6. — С. 208—209.

Воспоминания об Л.З. Эйдлине. «Эйдлину удалось доказать, что настоящий исследователь китайской литературы может быть и прекрасным интерпретатором и переводчиком китайской поэзии» (из статьи).

2005

27. *Яцковская К.Н.* К 90-летию со дня рождения и 20-летию со дня смерти Льва Залмановича Эйдлина // Восток (Oriens). — 2005. — № 4. — С. 209—216.

О жизни Л.З. Эйдлина, его научном и художественном наследии.

2007

28. *Янь Годун.* [Об Эйдлине и его переводах] // *Янь Годун.* Эло сы хань сюэ сань бай нянь (Триста лет русской синологии). — Пекин: Изд-во «Сюэ Юань», 2007. — С. 155—156. (на кит. яз.).

2013

29. *Чжан Шуцзюань.* Переводы стихотворений Тао Юань-мина и научные труды о нём в России // *Чжан Шуцзюань.* Чжун го гу дьянь ши гэ цзай э ло сы дэ гуань бо (Китайская классическая поэзия в России): дис. ... на соиск. учёной степени канд. истор. наук. — Тяньцзинь, 2013. — С. 51—60. (на кит. яз.).

2014

30. *Чжан Шуцзюань.* Эйдлин и его переводы из Тао Юань-мина // Хань сюэ янь цзю (Синологический вестник). — 2014. — Вып. «Осень-зима» (общ. Вып. 17). — С. 427—436. (на кит. яз.).

СОДЕРЖАНИЕ

1. КИТАЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ И ПЕРЕВОДАХ Л.З. ЭЙДЛИНА (ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ)	3
2. МАТЕРИАЛЫ К БИБЛИОГРАФИИ Л.З. ЭЙДЛИНА (1939 — 2014)	20
I. ТРУДЫ И ПЕРЕВОДЫ	20
II. О НЁМ И ЕГО РАБОТАХ	62

Для заметок

Бекметов Ринат Ферганович

Л.З. ЭЙДЛИН И КИТАЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Библиографический указатель

Дизайн обложки
М.А. Ахметова

Подписано в печать 19.10.2015.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Формат 60x84 1/16. Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 4.
Уч.-изд. л. 3,89. Тираж 100 экз. Заказ 174/10

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии Издательства Казанского университета

420008, г. Казань, ул. Профессора Нужина, 1/37
тел. (843) 233-73-59, 233-73-28